

МАРИЯ
БРИКЕР

---

reality detective

Апельсин-
желание

Мария Брикер

Апельсин–желание

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177704
Мария Брикер. Апельсин-желание: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33400-1

Аннотация

Мрачный интерьер квартиры в готическом стиле словно заведомо создавался как декорация для таинственных преступлений, и труп юной блондинки, студентки Кати Кутузовой, смотрелся как элемент декора, иллюстрация к кровавым зверствам прошлых веков... Само преступление на первый взгляд казалось банальным: любовник девушки банкир Семенович задержан прямо в квартире в невменяемом состоянии. Однако куда в таком случае делось орудие убийства? И почему некая Наденька звонит на сотовый Кати рано утром и рассказывает свой страшный сон, где в роли убийцы выступает вовсе не банкир, а еще один таинственный любовник девушки?

Содержание

Пролог	4
Часть I	14
Глава 1. Глянцевые бабочки	14
Глава 2. Готическая принцесса	46
Глава 3. Дядюшка Скрудж	64
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мария Брикер

Апельсин-желание

Настоящая история является вымыслом от начала до конца. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение фамилий и имен героев.

Лучше сразу умереть, чем жить ожиданием смерти.

Юлий Цезарь

Пролог

Приступ раздражения он выдохнул с табачным дымом в открытую форточку, повесив его на голый куст сирени во дворике медицинского центра. Полегчало, но ненадолго. Профессор Бараев словно издевался над ним: мямлил, тянул резину, разжевывая каждое слово, противно причмокивал губами, переводил разговор на другую тему, отвлекался на пение птичек, нес пургу про холодную весну, разбавляя свою тяготную речь научными терминами, смысла которых Артур Георгиевич Гайворонский решительно не понимал, а переспрашивать – утомился.

«Беда с этими докторами! Мало того что у половины из

них проблемы с дикцией, так еще нормальным человеческим языком изъясняться категорически не могут, Гиппократы хреновы!» – мысленно ругался Гайворонский, с трудом сдерживаясь, чтобы не звездануть светила медицины по челюсти. Спасибо, что курить в кабинете разрешил. Правда, неохотно, нотацию о вреде никотина прочитал, форточку распахнул и демонстративно обмахивался газеткой, то и дело бросая на тлеющую в пальцах Гайворонского сигарету испепеляющие взгляды. Артур медленно зверел, но надо было держать лицо и... кулаки в карманах. Во-первых, на руку Гайворонский всегда был тяжеловат, а если доктор лишится зубов, то свой приговор вряд ли озвучит в ближайшее время. Во-вторых, пробиться на консультацию к нейрохирургу Бараеву оказалось очень непросто. Ни деньги, ни связи не помогли, профессор принимал только в порядке общей очереди и исключения никому не делал, разве что тяжелые клинические случаи рассматривал сразу. С одной стороны, это вызывало уважение, с другой – страшно злило. Артур Георгиевич Гайворонский, президент инвестиционной компании «Голден файерс», привык, что все двери перед ним распахивались настежь по первому требованию.

– Завязал с этой пагубной привычкой пару лет назад. А курить, знаете ли, до сих пор хочется зверски, – неожиданно сообщил профессор.

– Так курите, какие проблемы... – Артур придвинул к доктору пачку. – Жизнь слишком коротка, чтобы лишать се-

бя удовольствий.

– Вы правы, – смутился светило нейрохирургии, неуклюже вытянул сигарету, сунул ее в рот. Артур поднес было Бараеву зажигалку, но профессор отвел его руку в сторону и только пожевал фильтр. – Буду с вами предельно откровенен. Причина обморока гораздо серьезнее, чем мы могли предположить, – тяжело вздохнул он и снова понес пургу про какую-то аутотрансплантацию, микроанастомозы, сальники и патологические сосуды.

Гайворонский не сдержался.

– Вы можете мне русским языком все объяснить, вашу мать? Иначе я сам сейчас аутоотсланатацию сальника с микроанастомозами вам на задницу сделаю! – рывкнул он на весь кабинет и долбанул по столу кулаком так, что пепельница с окурками подпрыгнула.

Профессор выронил сигарету изо рта и снова запихнул ее обратно.

– Извините, – выдавил из себя Артур Георгиевич, – нервы шалят.

– Понимаю... – откашлялся доктор, с опаской поглядывая на кулачище Гайворонского.

Артур тактично спрятал руки под стол и попытался изобразить на лице миролюбие. Профессор немного расслабился, но, судя по рассеянному взору, нить разговора потерял безвозвратно.

– Я так понял, что опухоли нет. Синдромов болезни Пар-

кинсона тоже. Просто какая-то хрень с сосудами? – спросил Артур, пытаясь вернуть Бараева в реальность.

– Правильно, – очнулся профессор, – но все совсем не просто. Я уже показывал вам. Ну ладно, еще разок... – Нейрохирург взял со стола рентгеновский снимок, закрепил его на стене, на специальной пластиковой панели с подсветкой. – Вообразите себе клубок спутанных ниток, – указал он карандашом на подсвеченное изображение. – Видите? Сосуды переплетены таким образом, что в мозгу происходит нарушение кровообращения.

Гайворонский беспомощно посмотрел на рентгеновскую пленку, потом на доктора. Ни хрена он не видел и по-прежнему ни черта не понимал! А профессор продолжал:

– Полагаю, это врожденная патология, которая только сейчас дала о себе знать. К сожалению, болезнь будет прогрессировать, и помочь в данном случае может только хирургическое вмешательство.

– Так сделайте операцию! – снова сорвался на крик Гайворонский. – Я готов заплатить любую сумму. Выписывайте счет.

– Да погодите вы деньгами трясти и бушевать, – поморщился нейрохирург. – Выслушайте, елки-моталки, потом пальцы гнуть будете.

– Извините.

– Проехали... – Доктор помолчал немного. – Итак, что я пытался до вас донести. Операция крайне сложная, связан-

ная с большим риском. Со своей стороны могу обещать, что сделаю все возможное, привлеку лучших ассистентов. Клиника у нас, как вы знаете, оснащена самой современной аппаратурой, специалисты высочайшего уровня работают. Но результат операции предсказать не берусь. И никто не возьмется! Неизвестно, как поведет себя организм. Мой прогноз таков: без операции – несколько месяцев полноценной жизни, конечно, при соблюдении строгого режима и покоя. Никаких стрессов и волнений, диета, сон. А потом... Потом приступы будут учащаться, самочувствие ухудшится. В конечном итоге годы в инвалидном кресле или полный паралич. При неблагоприятном исходе операции...

– Но есть же...

– Повторяю, шанс побороть недуг есть. Но летальный исход при операции тоже весьма вероятен. Я беру на себя риск, но вы сами должны решить, соглашаться или нет. В данном случае я не вправе ничего советовать. Однако не рекомендую тянуть с ответом, время играет против нас. Чем раньше мы сделаем операцию, тем больше шансов, что она пройдет успешно.

Артур машинально посмотрел на часы – секундная стрелка нервно ползла по циферблату, он как будто кожей чувствовал каждый ее скачок. В груди стало жарко, а голова, наоборот, превратилась в ледяной саркофаг.

– Сколько вы даете времени на размышление? – прошептал Гайворонский, не слыша собственного голоса.

– Крайний срок – месяц. Подумайте, взвесьте все и позвольте. Буду ждать вашего звонка.

Гайворонский кивнул и, не прощаясь, вышел за дверь.

Как он оказался на улице, Артур помнил смутно. О том, что на консультацию приехал на машине, Гайворонский тоже забыл. Очнулся, сидя на лавке, в пятистах метрах от медицинского центра, в небольшом парке. Тело колотила дрожь. Профессор прав, весна выдалась холодная. Середина апреля, а сугробы еще не растаяли, потемнели только, присели, лишь вдоль теплотрассы образовались небольшие проталины с островками молодой травки, где поднимали чахлые головки цветы мать-и-мачехи. Лучи бледного солнца, пробивающиеся сквозь лысые кроны деревьев, почти не грели, лишь гладили лицо.

«Пальто и кепку оставил в раздевалке, идиотина несчастная», – усмехнулся он, ежась от ветра и постукивая ботинками в неснятых больничных синих бахилах по замерзшей лужице. Лед треснул, на гладкой поверхности появилась паутинка. Сердце Артура, кажется, тоже треснуло, до него дошло наконец, что случилось. Он потер грудь и зажмурился. Месяц. Тридцать дней, чтобы принять решение. Срок, данный профессором, казался катастрофически маленьким. В бизнесе он принимал решения мгновенно, но сейчас, впервые в жизни, совершенно не понимал, как ему поступить, и чувствовал себя беспомощным кутенком. Он, Артур Гайворонский, успешный бизнесмен, богатый человек, прези-

дент крупной инвестиционной компании «Голден файерс», не знал, что делать. Отец в свое время название компании не одобрил, заявил, что надо придумать значимое имя. Как корабль назовешь, так он и поплывет. Вечно он влезал в дела и спорил... Чем, спрашивается, название ему не угодило? Яркое, пламенное, горячее. «Файер», видите ли, у папани ассоциировался с фраером. Точил бы свои болванки на заводе, так нет... Правильно Артур отца не послушал и зарегистрировал компанию так, как решил, уже через год корабль под названием «Голден файерс» разрезал рынок, как ледокол арктический океан. Папаша оказался не прав, мстительно подумал Гайворонский, поглаживая гладкую, как колено, лысую голову.

Соперничество во мнениях у старшего и младшего Гайворонских началось еще в глубокой юности. До пятнадцати лет Артур отца слушался беспрекословно, потом начал понемногу сопротивляться. Сначала в знак протеста против тирании отрастил длинные волосы. Внешность у него была неказистая – белесые брови и ресницы, светлые глаза, и только густая блондинистая шевелюра – единственное достоинство. Девки, глядя на нее, в обморок падали от чувств, но папашу прическа отпрыска бесила до зубовного скрежета. Протестовал Артур недолго – отец чуть ли не каждый день бегал за ним по квартире с ножницами, называл хиппи и педиком. Не выдержал и в отместку побрился наголо. Отец новый имидж тоже не оценил, орал так, что у мамы подскочило

давление, обзывал уголовником и дебилом. Но волосы Гайворонский больше не отрастил, ежедневно брился назло папаше, почти рыдая перед зеркалом, потому что видок у него и правда стал, мягко говоря, неинтеллигентный. Вскоре привык, и новый образ ему даже понравился. Представительницы слабого пола теперь от Артура шарахались, прохожие пугались и ускоряли ход, бабули у подъезда замолкали. Неожиданно он стал пользоваться авторитетом у местной шпаны, что ему, бывшему маменькину сынку, льстило. Артур впервые в жизни почувствовал свою силу и млел от ощущения собственной значимости. Имидж крутого парня надо было поддерживать, и он начал вести себя дерзко, жестко. Доигрался – в результате из института его вышибли. Потом были армия и возвращение в пустоту. Старые друзья приняли его с распростертыми объятьями. Страшно вспомнить, сколько дел наворотили... Отец всю жизнь считал его идиотом. Ладно в молодости, когда у Артура действительно башню снесло от ощущения вседозволенности (просто повезло, что он на зону не загремел), но и сейчас, когда он добился небывалых высот в бизнесе и содержал отца, оплачивая лучшую медицинскую клинику, дорогостоящие лекарства, сиделок и нянек, тот все равно мнения о сыне не изменил. Стоп... О чем он думает? Ну вот о чем думает? Артур уронил голову на руки.

– Господи, за что? За что, господи? – прошептал. Он же искупил свою вину – церковь построил в области, большую,

с золотыми куполами, щедро вкладывал деньги в благотворительность, с криминалом сто лет назад завязал... Взревел от ощущения несправедливости: – Что еще тебе надо?!

– Спокуха, парень, ничего мне не надо, – проворчал кто-то поблизости.

Артур поднял глаза – перед ним стояла куча тряпья, «благотрошная» помойкой и перегаром.

– Денег нет, – развел руками Гайворонский, чтобы бомж от него отвязался.

– Не нужны мне твои деньги! Без денег жил, без денег и помру, – обиделась куча. – Вижу, душой маешься, вот и подошел. Случилось чего? Ты говори, не робей. Выговоришься – глядишь, легче станет. Только не ври. Такие, как ты, за просто так зады на лавках не морозют.

Артур некоторое время смотрел на чучело. Чучело смотрело на него пьяными глазами, но выражение чумазой физиономии было таким сострадательным, что сердце Гайворонского распахнулось, и он выложил странному незнакомцу все свои проблемы.

– Что бы ты выбрал, будь на моем месте? – спросил затем Артур.

– По мне так хотя бы денек прожить, чтобы сердце синей птицей пело, а после и помереть не страшно, – сказала куча и пошлепала дальше.

Артур задумался. Ишь ты, сердце у него синей птицей пело... Не бомж, а монах даосский какой-то. Для них смысл

жизни: жить. И не просто так, а счастливо. Почему он сам не додумался до этого решения? Как все элементарно, оказывается! Как просто! Гайворонский вскочил с лавки, чтобы догнать бомжа и как-то его отблагодарить, и с изумлением огляделся – странного человека нигде не было, он словно растворился в воздухе.

– Ерунда какая-то, – пробурчал Артур и поспешил назад в больницу – за пальто и машиной. Решение было принято, нельзя терять ни минуты, надо срочно разыскать синюю птицу и заставить ее, голубушку, петь в груди. Где искать диковинную пернатую особу, Артур пока не знал, но был уверен, что у него все получится. Характер у него такой: раз он что решил, то любой ценой добьется своего. Главное, дров не наломать сгоряча, продумать прежде обстоятельный план, как птицу приманить и приручить...

Часть I

Глава 1. Глянцевые бабочки

Бабочки и цветы, вырезанные из глянцевых журнальных страниц, были повсюду – на креслах, диванах, столах, полу. Иногда Гайворонский находил их даже у себя в ботинках, карманах и постели. Маниакальная страсть дочери резать бумагу и раскидывать ее по дому доводила Артура Георгиевича до припадков, но когда он делал Даше замечание, та замыкалась и переставала разговаривать с ним. Бабочки и цветы все же были меньшим злом, чем молчание дочери, поэтому Гайворонский старался лишний раз ее не трогать.

– Поела? – спросил Артур, поцеловал дочку в макушку и вдохнул запах ее волос.

Волосы у Даши сейчас пахли так же, как в детстве – теплым молоком и инжиром. Жена частенько давала девочке на ночь этот напиток, чтобы не болела и спала хорошо.

Артур отстранился и плюхнулся в кресло. Не день, а катастрофа. Снова перед глазами всплывали эпизоды из прошлого, никак их не остановить: Настя – каштановые волосы, исхудавшее лицо в гробу, пышные похороны, белые лилии, алые розы, горсть сухой бурой глины, глухие удары сердца и отчаяние... Взять себя в руки после смерти жены получи-

лось с трудом. Он купил два ящика коньяка, закрылся в гараже и пил. Никто не знал, где он. Искали две недели, нашли, вызвали спасателей, вскрыли металлическую дверь, откачали в Склифе. Из больницы он вышел другим человеком. Дашу отправил в Англию и запер в элитной школе для девочек – подальше от болезненных воспоминаний, подальше от жизни. Дурак несчастный! Сколько лет потеряно, бесценных часов, минут, секунд, мгновений, которые они могли бы провести вместе!

Дочка тянулась к нему, скучала, умоляла забрать ее домой. Артур тоже смертельно тосковал, постоянно мотался в Лондон, но решения своего не изменил. Втемяшил себе в голову, что в Англии девочке будет лучше, безопаснее, и вырастет она настоящей леди, а не избалованной мажоркой. О том, что творится в кругу золотой молодежи, Артур знал прекрасно. Наслушался про деток знакомых, которых родители, спохватившись, распахивали по лучшим швейцарским наркологическим клиникам. Испугался тогда, что на чувстве вины из-за смерти супруги избалуется дочь, или она попадет под чье-нибудь дурное влияние. И что? От наркоты и дурных компаний Дашу убережет, но потерял ее, кажется, навсегда. Дочь постепенно отдалялась от него и в конце концов окончательно захлопнула перед ним дверь в свою жизнь.

После окончания школы Даша так и не смогла определиться с будущей профессией. Успехи ее в учебе тоже оставляли желать лучшего, так что о Кембридже и Оксфорде, о

которых так мечтал Артур, речи быть не могло. Гайворонский сунул дочь в платную бизнес-школу, которую Даша закончила с горем пополам. Больше терзать дочь обучением Гайворонский не стал, забрал в Москву. Россия для Дарьи за несколько лет стала чужой, девушка мечтала остаться в Британии, но на вопрос: на что она собирается там жить и чем заниматься, внятного ответа отец не получил. Дарья понятия не имела, как жить, и сказала, что устроится работать официанткой. Его дочь – официантка? Этого еще не хватало!

Когда Даша переехала в Москву, Гайворонскому открылась еще одна неприятная правда. Дочь мало того что выросла совершенно неприспособленной к жизни, так еще патологически стеснительной и замкнутой. Что творится у нее в душе, понять было невозможно. Бабочки еще эти с цветами... Психиатр, который Дашу по просьбе Артура осмотрел, успокоил: ничего страшного в таком хобби нет, девушка так регулирует свое эмоциональное состояние.

«Ну да, свое регулирует, чужое дестабилизирует», – в очередной раз подумал Артур Георгиевич, стряхнув с колена бабочку, спланировавшую сейчас ему на ногу с торшера.

– На работе неприятности? – спросила Даша, игнорируя вопрос про еду. Она присела, подняла с пола бабочку, положила на ладошку, пальчиком расправила бумажные крылышки, с восхищением разглядывая свое искусство.

«Что за бестолочь... – едва сдержал раздражение Артур. – Двадцать один год скоро стукнет, а она как пятилетняя себя

ведет»...

– Нормально у меня все. Ты ела, я тебя спрашиваю? – разозлился Гайворонский.

На subtilность дочери без слез смотреть было невозможно. Мало того что страшенькая, так еще дохлая, как глиста. Настя, мать ее, тоже красавицей не была, но умела себя подать так, что производила впечатление королевы. По улице не шла, а плыла – высокая, статная, фигуристая, все вслед оборачивались. И в кого Дашка уродилась такая неказистая? Джинсики на бедрах еле держатся, груди нет, рост – метр с кепкой. Хотя бы одевалась броско и каблук носила, так нет – кеды, рваные джинсы, растянутые свитера, рубашки мужского покроя и футболки с кисками. Опупеть не встать! А прическа... Светло-русые кудряшки средней длины Дарья украшала тучей крохотных зубастых заколок или собирала резинками в два хвостика. Дура дурой! Глаза только от матери унаследовала – большие, синие, с дымкой. Тайна во взгляде, глубина. Да только кто эту глубину разглядит, если девчонка постоянно себе под ноги смотрит и сутулится?

– Даш, мне в самом деле очень хочется знать, кушала ты что-нибудь сегодня или нет?

– Угу, – кисло улыбнулась дочь.

– Дарья, зачем ты говоришь неправду отцу? – послышался властный голос, и в комнату вошла гувернантка Ангелина. – Она совершенно ничего не кушала, Артур Георгиевич. Совершенно ничего с самого утра! Очень прошу, повлияй-

те на вашу дочь. Это форменное безобразие так себя вести. Жан восхитительный обед сегодня приготовил, а Даша только ложку в суп макнула и выскочила из-за стола.

– Опять ты за свое, да? Мы же договаривались, – пожурил дочку Артур.

– Я ела сухарики! – возмутилась Дарья.

– Какие еще сухарики? – вытаращился на дочь Артур.

Дарья вытащила из кармана пакетик и поболтала им перед носом Гайворонского.

– Это не еда, – влезла Ангелина. – Для полноценного развития скелета надо кушать витамины и питаться сбалансированно.

– Дурдом! Затариваю полный холодильник, повара аж из самого Парижу привез, а она сухари жрет... – тяжело вздохнул Гайворонский.

Ангелина активно закивала, и на ее лице появилось выражение мстительного удовлетворения. У Артура мелькнула нехорошая мысль, что гувернантка только видимость создаст, будто печется о здоровье и благополучии подопечной, а на самом деле она ей до лампочки. Гайворонский пристально посмотрел на женщину, в очередной раз отметив, что у гувернантки красивое лицо. Снять бы с нее дурацкие очки, выдернуть из пучка шпильки, расстегнуть верхние пуговицы на закрытом платье и встряхнуть как следует, чтобы густые темные волосы рассыпались по плечам... Интересно, а белое у Ангелины какое? Гайворонский откашлялся и погла-

дил лысину. О чем он думает? Ну вот о чем думает? Ему Синюю птицу ловить надо, а он фигней страдает... Впрочем, встряхнуть гувернантку по-любому следовало, чтобы поняла, что подопечную следует любить всеми фибрами своей души. За те деньжищи, которые он ей платит, могла бы и на прячась.

Ангелину он нанял месяца три спустя после возвращения Даши из Британии. Аккуратная, ухоженная брюнетка средних лет приглянулась ему сразу и вызвала доверие. У нее среднее медицинское и высшее педагогическое образование, некоторое время работала в Штатах у российских нуворишей, откуда привезла отличные рекомендации. У Ангелины громкий голос, но ее присутствие в доме почти незаметно. Идеальная, с точки зрения Гайворонского, помощница, но с Дашкой у нее особой любви не вышло. Дочь раздражало, что Ангелина все время читает ей нотации о здоровом образе жизни, заставляет есть и пытается впихнуть в нее побольше витаминов. А как же иначе? Для этих целей Артур Георгиевич гувернантку и нанял, чтобы следила за здоровьем и душевным комфортом дочери. Та ведь бестолковая, за ней глаз да глаз нужен.

Прислуги в доме было много, но каждый занимался своим делом, и Дарья болталась по особняку и скучала. Единственная подруга дочери осталась в Англии, новыми знакомыми Даша не обзавелась. Да и откуда им было взяться! Гайворонский пару раз брал Дарью с собой на светские мероприятия

и приемы, но дочь вела себя там, прямо скажем, как кретинка последняя: забьется куда-нибудь в угол со стаканом апельсинового сока и пялится на всех дикими глазами. Гайворонскому неловко становилось перед знакомыми. Он ведь всем хвалился, что дочка в Англии училась, а не где-нибудь в Урюпинске. Партнеры за спиной похихикивали, что дочь у него такая дурная, поэтому Дашу он брать на подобные мероприятия перестал.

Дочь не настаивала, светские тусовки ее занимали мало. Рестораны, театры, оперы и консерватории Дарью тоже не интересовали. Понравилось ей лишь в Центре современного искусства «Винзавод», куда отец ее возил на выставку одного модного современного художника, возомнившего себя вторым Малевичем. Современное искусство Гайворонский на дух не переносил и считал выпендрежем, еще одного такого посещения, подлинного издевательства над собственной психикой, он бы не вынес. Ангелина в семье появилась вовремя, избавив его от мучительных поездок на бездарные вернисажи и кретинские выставки.

Теперь на культурные мероприятия Дашу сопровождали гувернантка и водитель Глеб, по совместительству тайный телохранитель. Дарья о секретной миссии Глеба не подозревала, Артур не стал дочь просвещать, предчувствуя, что ей подобный тотальный контроль придется не по душе. Глеб был молод и хорош собой – высокий, мускулистый, глаза темные. В общем, Бандерас отдыхает. Артур слегка опасал-

ся, что между Дашкой и охранником может случиться роман, но на свой страх и риск подписал с ним контракт. Глеб был одним из лучших в своей области, пришлось закрыть глаза на то, что парень молод и красив. Главное – профессионализм. Свой бизнес Артур вел жестко, себе он обеспечил тылы, но дочь являлась его ахиллесовой пятой, и случись что, ударят по ней в первую очередь.

Для профилактики Артур пацана перед вступлением в должность жестко предупредил: лямуров он не допустит, башку отвинтит и другие части тела сразу, а после в асфальт закатает. Глеб в ответ усмехнулся ему в лицо, ясно дав понять, что подобной ерундой заниматься не собирается, а после подкрепил свои слова сообщением, мол, Дарья хоть и приятной наружности девушка, но совершенно не в его вкусе. Последний довод слегка задел самолюбие Артура – неприятно отчего-то стало, что его доченька не во вкусе какого-то умственно отсталого шоферюги-телохранителя, – но он обиду проглотил. Главное, чтобы Дашка сама на парня не запала. Мальчики ее пока вроде не занимают, но кто знает, как повлияет на девчонку постоянное соседство красивого мужика. Двадцать лет, не ребенок уже, женские инстинкты проснутся – что тогда делать? В общем, нанимая Глеба, Гайворонский в некотором роде рисковал, но, к счастью, повторения сюжета фильма «Водитель для Веры» не случилось. Дашка красавчика проигнорировала так же, как и прочие блага цивилизации.

Зато случился другой сюжет – Глебушка вскоре закрутил роман с Ангелиной, которая была старше телохранителя на несколько лет. Голубки старательно шифровались, но то, что отношения между ними перешли из деловых в неформальные, было заметно невооруженным глазом, что слегка нервировало Артура. Видов на Ангелину Гайворонский не имел, он принципиально не спал с персоналом, но... было в этой женщине нечто такое, что помимо воли будило в нем некоторые эротические фантазии. С другой стороны, пусть романятся, лишь бы обязанности свои исправно выполняли, и в конце концов Артур успокоился. Вплоть до сегодняшнего дня ему казалось, что все прекрасно...

– Ангелина, мне нужно с вами поговорить.

– Когда вам будет угодно, – выдала на высокой ноте Ангелина и вытянулась в струнку. Она словно почувствовала его настроение и забеспокоилась.

– Идите в мой кабинет, – поднялся с кресла Артур. Затем обернулся к дочери: – А ты шагом марш в столовую!

– Папа, я не хочу есть. – Даша посмотрела на него исподлобья, смяв бабочку в ладони.

– Дарья, что за манеры? Не спорь с отцом! – тут же отреагировала гувернантка и аж ножкой притопнула.

Артур открыл рот, чтобы прикрикнуть на Дарью, но вместо этого неожиданно цыкнул на гувернантку:

– Не смейте встречать, когда я с Дашей общаюсь!

– Но... – Ангелина попыталась возразить, однако, пой-

мав холодный взгляд Артура, умолкла. Лишь глаза выражали недоумение: никогда прежде он не делал ей замечания и всегда был на ее стороне.

– Не понял, почему вы еще здесь? Ступайте в мой кабинет, – добил женщину Гайворонский.

– Слушаюсь, – кивнула гувернантка и исчезла из гостиной.

Артур обернулся к Даше.

– А ты отправляйся в столовую! – жестко сказал он и вышел из комнаты.

Снова он на Дашку разозлился, не сдержался. А ведь не хотел больше никогда на дочь сердиться, только радость дарить хотел... Правда, радовать Дашку было сложно, результат зачастую получался противоположный. Решил сделать дочке сюрприз: купил ей вечернее платье – алое, с атласным бантом на заднице, туфли серебряные со стразами, уложил презенты в роскошную коробку и торжественно вручил. Дашка подарок распаковала, двумя пальчиками платье вытащила и с таким ужасом на него уставилась, словно это погребальный саван. Так и сидела минут пять. Потом выдавила из себя «спасибо» и пропищала, что надевать такое пошлость. Двадцать тысяч отвалил за тряпку, а ей – пошло! Разозлился он тогда, при Дашке платье на лоскуты разорвал.

В принципе, он и сам не понимал, что в той атласной хрени хорошего и почему такие деньги за нее заломили. На тряпке стоял лейбл неизвестного ему бренда, но продав-

щица в бутике клятвенно заверяла, что вещи от молодого японского модельера сейчас на пике популярности, хит сезона, и уговорила повнимательней присмотреться к коллекции этого... Как там его? Гайворонский почесал лоб, пытаюсь вспомнить заковыристую фамилию кутюрье. Квазимода? Гамасаки? Мамукахари или Харимука? А, ладно, неважно. Он присмотрелся и выбрал самое дорогое платье. Но дочь креатива от Харимуки Мамукахари не оценила. Как ей угодить? Вот как, если даже платье от-кутюрье ее не впечатляет? Ничего ей не нравится, ничего не интересно, только бабочки бумажные...

Артур решил зайти с другой стороны – пообщался с коллекционерами, купил раритетных бабочек. Сушеных, целую коллекцию. Так вместо благодарности дочурка обозвала его бессердечным типом! Как будто он сам этих пархатых, в смысле, когда-то порхавших чешуекрылых превратил в гербарий. А элитные розы, которые он ей пытался вручить, обозвала трупами. Не дочь, а ходячее недоразумение!

Розы Артур передарил Ангелине, не выкидывать же в помойку такую красоту. Гувернантка букет приняла с радостью, вменяемая потому что женщина. Слегка, правда, смутилась, неверно истолковав его презент, щеками зарумянилась и глазками блеснула игриво. Пришлось популярно объяснить, кому предназначался букет, и рассказать про жизненные принципы дочурки. Жестоко, конечно, но не хватало еще, чтобы бабы его в собственном доме допекали, и так

прохода не дают охотницы за деньгами. В ресторанах, барах, клубах спокойно посидеть не получается давно, какая-нибудь длинноногая нимфа со взглядом волчицы непременно нарисуетя поблизости и расставит силки. Сначала это его забавляло, потом Артур утомился.

Одна красotka вовсе оригинальный способ знакомства нашла: под колеса его машины кинулась. Удар не сильный был, Артур лишь бампером девицу подвинул, но та на охоту-то вышла на двадцатипятисантиметровых платформах, а потому оступилась и сломала ногу в районе лодыжки. Орала благим матом девка так, что пришлось срочно запихивать в машину и везти в больницу. Идиотка несчастная! Все планы ему попутала, важные переговоры сорвала. А с виду сама невинность, челочка белая, юбочка в клеточку, чулочки в сеточку и большие голубые глаза, этакая куколка длинноногая, и не подумаешь, что авантюристка. Но выражение лица, с которым она совершила марш-бросок на капот, говорило само за себя. В ее глазах не было растерянности, в них читались сосредоточенность и решимость.

Артур отвез девушку в частную клинику, где Кате, так звали авантюристку, сделали рентген, наложили гипс на длинную стройную конечность, вкололи обезболивающий укол и доставили в стационар, чтобы оклемалась. Гайворонский расходы взял на себя – оплатил лечение и пребывание в клинике, но ясно дал понять, что шутки шутить с ним опасно для здоровья и в следующий раз переломом ноги дело не

ограничится, может пострадать Катенькина хрупкая шейка. Девочка намек поняла и больше его не беспокоила.

Через полгода Гайворонский встретил ее вновь на вечеринке в закрытом пафосном клубе в компании с банкиром Семеновичем. Тот был страшен, как смерч, – коротконогий толстяк с большим мясистым носом и маленькими глазками под кустистыми чернявыми бровями. Квазимодо и то краше. Нормальная девушка к такому уродцу за километр не подойдет, но Катрин льнула к банкиру и казалась счастливой. Девочка преобразилась и теперь блистала в платье от Юдашкина, в туфельках от Christian Louboutin и с сумочкой Chloe Paddington. Одна ее рука была запакована в гипс и возлежала на эксклюзивной подвязке из змеиной кожи, на пальчике другой искрился здоровенный бриллиант. Бульжник этот Катенька всячески старалась продемонстрировать окружающим, чтобы те поняли – намерения у Семеновича в отношении нее весьма серьезные. Добилась-таки своего пташка, решил Гайворонский и заржал так громко, что многие решили – он обкурился травы.

Катрин сделала вид, что его не узнала, но напряглась и попыталась увести своего женишка с вечеринки от греха подальше. Семенович, известный любитель крепко выпить и пожрать на халяву, вяло сопротивлялся: ему не хотелось обижать невесту, но и упускать шанс залить в глотку очередную порцию элитного французского коньяка тоже. Банкир покладисто сопровождал невесту до выхода, где приторма-

живал, ласково шептал Кате на ушко что-то типа: иди, родная, я скоро, – и неся к бару. Катрин направлялась следом за суженым и снова уговорами вела его к выходу. Так происходило несколько раз. Семенович порядком захмелел и наконец сдался, к выходу потопал бодрее, ухватив Катрин за задницу, вознамериваясь, очевидно, продолжить банкет и предаться бурной страсти с нареченной невестой дома в спальне. Сладкая парочка спустилась вниз.

И тут в Гайворонского словно бесенок вселился – он нагнал голубков у гардероба, сгреб Семеновича в объятия и предложил выпить за неожиданную встречу. С банкиром они никогда не приятельствовали, но Семенович был настолько пьян, что нисколько не удивился и обрадовался, как ребенок. Предложение Артура стало для него отличным поводом еще принять на грудь. Торопливо получив шубку Катрин, Семенович набросил ее невестушке на плечи, сунул ей денег на такси, чмокнул в подбородок и устремился обратно в банкетный зал. Артур обернулся, когда поднимался по лестнице, – девушка стояла посреди холла сердитая и несчастная. «Ребенок... боже мой, какой она еще ребенок!» – подумал Артур, и ему вдруг стало жаль девчонку. От озорного настроения не осталось и следа. Пить с Семеновичем резко расхотелось.

Артур проводил банкира до бара и, пообещав, что сейчас вернется, спустился в холл. Катрин там уже не было. На улице девушки тоже не оказалось, лишь следы от ее туфель на

припорошенном снегом тротуаре. Ну что за дура такая! В ноябре в туфлях по улицам шляется. Ночь, холодно, скользко! Мало ей двух переломов? Почему не вызвала такси по телефону? Не взяла частника? Бомбил у клуба пруд пруди, но следы вели в другую сторону. Куда она поперлась?

Гайворонский, как собака-ищейка, пошел по следу. Отпечатки туфелек затерялись на бульваре среди других, здесь даже ночью колобродил народ. «Девушку в шубейке и туфлях не видели?» – поинтересовался он у парочки юных влюбленных, хлебающих на холоде пиво. «Тачку словила вон там», – показал рукой на дорогу парень. Мотивы Катрин стали прозрачны, и Артур усмехнулся: девица просто-напросто решила сэкономить и ломанулась ловить машину на бульвар, чтобы не переплачивать частникам у пафосного клуба. С девочкой было все понятно. А с ним-то что за шиза приключилась? Гайворонский так и не понял, какая сила понесла его ночью на бульвар. Юные пустоголовые блондиночки были не в его вкусе, в любовницы он выбирал женщин постарше – опытных, умных и независимых бизнесвуменш. Но зачем-то поперся за дурой безмозглой, которая в ноябре на шпильках по снегу шастает и не брезгует под колеса автомобилей бросаться, чтобы подцепить богатенького мужика...

* * *

– Артур Георгиевич!

Гайворонский вздрогнул и вернулся в настоящее. Дверь в кабинет открыта, на пороге стоит Ангелина и участливо

заглядывает ему в глаза. Артур ощутил легкий приступ вины и поморщился. Напрасно он на гувернантку рявкнул. Да еще в присутствии дочери, уронив ее авторитет.

– Извините, что нагрубил вам, – буркнул Артур. – Сегодня у меня был очень тяжелый день.

– Я не держу на вас зла. Но, пожалуйста, учтите на будущее: если вы еще раз позволите себе повыситься на меня голос в присутствии Дарьи, я буду вынуждена с вами проститься, – отчеканила Ангелина. И добавила по-детски возмущенно: – Она же совсем меня слушаться перестанет, понимаете! Я только начала с Дашей контакт налаживать, а вы все испортили.

– Садитесь, – кивнул в сторону кресла Гайворонский, с трудом сдерживаясь, чтобы вновь не сорваться. Нравоучений ему только не хватает сейчас... – Да, понимаю, с Дашей сложно, но я вам деньги плачу тоже не маленькие.

– При чем тут деньги? – возразила Ангелина, села в кресло, пригладила волосы и сложила руки на коленях, как школьница.

– Если деньги ни при чем, тогда, может быть, бесплатно поработаете? – усмехнулся Артур. Он сел за письменный стол, откинулся на стуле, с интересом поглядывая на Ангелину. – Ладно, не обижайтесь.

Ангелина мотнула головой, дескать, и не думала обижаться, но досада все еще читалась на ее лице.

– Вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями,

претензий у меня к вам нет. Но если бы вы Дашку хоть чуть-чуть любили...

– А если бы вы свою дочь чуть-чуть любили, то заставили бы ее кушать! Сил моих больше нет смотреть на это безобразие! Она же ничего не кушает, совершенно ничего! – Ангелина эмоционально хлопнула себя ладонями по коленям, и у Гайворонского вдруг стало легко на душе. Ошибся он, какое счастье, что ошибся в своих подозрениях! Возможно, Ангелина и не любит Дашку, как родную, но жизнь девушки ей небезразлична, а это уже немало.

– Я отправил Дашку в столовую, когда вы ушли.

– Спасибо, – поблагодарила она и опустила глаза, разглядела на юбке складки ладонями. – О чем вы хотели со мной поговорить?

– Как вы думаете, если мы будем заставлять Дашку есть, она станет счастливым человеком?

– Странные вопросы вы задаете, Артур Георгиевич. Счастливым, допустим, не станет, но...

– Никаких «но»! Мне жаль, что я пошел у вас на поводу и заставил Дарью делать то, что ей не хотелось. Это ее огорчило, а я хочу, чтобы моя дочь была счастлива, и прошу вас мне помочь.

– Простите? Я не совсем поняла.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне сделать счастливой мою дочь. И не просто счастливой, а по-настоящему счастливой, чтобы у нее сердце синей птицей пело.

– Почему я?

Растерянность на личике Ангелины Артура позабавила. Странная она женщина, постоянно меняет роли – то послушную школьницу изображает, то воспитательницу властную. Интересно, какое у нее белье? Гайворонский мысленно хлопнул себя по лобешнику в очередной раз. О чем он думает? О чем?

– С Дашей вы находитесь практически круглосуточно, знаете о ее проблемах и переживаниях лучше, чем я. Да вы не волнуйтесь так! – улыбнулся Артур. – Ничего сверхъестественного делать не надо. От вас мне нужна только информация. Давайте-ка мы с вами сейчас небольшой бизнес-планчик набросаем...

– Какой бизнес-планчик? – прошептала гувернантка.

– Ангелинушка, вы же умница, а никак понять не можете, чего я от вас хочу. Бизнес-план по осчастливлению Дарьи! – Гайворонский деловито достал из ящика стола несколько листов бумаги и ручку, приготовился писать. – Диктуйте.

– Что диктовать?

– Подробный список интересов моей дочери, ее желания и мечты. Будем удовлетворять!

– Боже мой, ну вы даете! – оживилась гувернантка, смысл слов Артура Георгиевича наконец-то до нее дошел. – Слушайте, а мне нравится ваша затея! Хотя коммерческий подход к такому делу и шокирует несколько.

– Что поделатъ, я не волшебник, а только учусь, – Артур заговорщически подмигнул. – Диктуйте, Ангелина.

– Ладно, записывайте. Пункт первый. Джон Роналд Руэл Толкиен.

– Что, простите?

– Толкиен, писатель такой, один из основоположников современного жанра фэнтези.

– Я прекрасно знаю, кто такой Толкиен. Какое отношение он имеет к моей дочери?

– Прямое. Дарья – горячая поклонница писателя.

– О нет! – закатил глаза к потолку Гайворонский. – Толкиен помер лет тридцать назад.

– А при чем тут это? – удивилась Ангелина.

– Как при чем? Не могу же я Толкиена с того света для Дашки доставить.

– Тогда пишите пункт второй, – откашлялась Ангелина. – Орlando Джонатан Бленхард Блум.

– Записал. Диктуйте пункт третий, и ближе к теме, пожалуйста.

– Все, – усмехнулась Ангелина.

– Что значит – все? – Артур оторвал глаза от листа бумаги и непонимающе уставился на гувернантку.

– Кроме Орlando Блума вашей Дашке, похоже, больше ничего не интересно. Она, мне кажется, и Толкиеном увлеклась только потому, что Блум сыграл эльфа в фильме «Властелин колец». Скажу вам по секрету, ваша девочка страст-

но влюблена в актера, просиживает дни и ночи на форумах, посвященных его творчеству, собирает об Орландо всю возможную информацию в Сети, пересматривает фильмы с его участием и слезы по нему льет, любуясь на распечатанные фотографии.

– Только этого нам не хватало для полного счастья, – вздохнул Артур.

– Верно сказано: для полного счастья Дарье не хватает Орландо Блума. Только, пожалуйста, не проговоритесь дочке, что я вам рассказала. Я совершенно случайно наткнулась на ее записи в дневнике – она вышла и забыла компьютер выключить. Узнает, решит, что я за ней шпионю, закроется от меня окончательно, и тогда во внутренний мир девочки мне проникнуть будет еще сложнее. А я только-только начала с Дашей в контакт входить. Чувствую, что она хочет мне все рассказать, фанатам ведь жизненно необходимо с кем-нибудь делиться новостями о своих кумирах, но, видимо, пока не готова.

– Фанатам? Вы хотите сказать, что все до такой степени запущено?

Ангелина поднялась с кресла, подошла к окну, присела на подоконник.

– Как вам сказать... Полагаю, некоторые проблемы, конечно, есть. Фанаты зачастую настолько увлечены своим кумиром, что не замечают ничего вокруг – ни реальных людей, ни самой жизни. Это у них в психологии заложено. Но

мне кажется, что не стоит драматизировать ситуацию. Ничего ужасного в том, что девушка влюблена в публичную персону, нет. В юности все мы влюблялись в знаменитых актеров, актрис или музыкальных звезд.

– Никогда! Никогда в жизни я не влюблялся в актрис и вообще не страдал идолопоклонством. Это же совершенный идиотизм! Дурь! – Гайворонский смял лист бумаги, на котором делал пометки, и швырнул его в угол комнаты.

– Хотите сказать, что плакаты с любимыми музыкальными группами по стенам своей комнаты не развешивали? Не фанатели от Высоцкого или «Битлз»? Не сходили с ума по «Депеш мод»? – Ангелина задумчиво улыбнулась.

– Я фанател от «Роллинг Стоунз», «Квин» и «Лед Зеппелин». Хотя в кругу, где я вращался, предпочитали слушать глухой шансон.

– Ужас какой! – воскликнула Ангелина. И тут же поправилась: – Вот видите! У вас были свои музыкальные кумиры. А футбол? Вы, когда матчи смотрите, орете на весь дом так, что стены сотрясаются.

– Ну, это совсем другое, я за Россию болею. В душе я патриот, – сообщил Гайворонский. И уточнил: – Где-то в глубине души. Теперь я понял, почему Дарья так инфантильна и почему ей ничего не интересно. Фанатство – это болезнь! Психологическая зависимость! Сдвиг мозга! Почему вы раньше ничего мне не говорили?

– Я предвидела вашу реакцию. Надеюсь, вы не наделаете

глупостей и не потащите снова дочку к психиатру? Раз уж всерьез хотите, чтобы ваша дочь была счастлива, – оставьте ее в покое. Я не для того вам об Орландо рассказала. Думала, вы поймете, чем живет ваша дочь, и сделаете правильные выводы. Пусть наслаждается своим кумиром, пусть смотрит фильмы с его участием и льет слезы, разглядывая его фото. Она тихий фанат, писем Орландо, как многие девушки, не пишет, просто читает фан-форумы и ведет дневник в Интернете в закрытом режиме, куда записывает свои мысли и чувства о нем. Она живет в своем мире и по-своему счастлива. Я думаю, это случилось из-за того, что Даша слегка застряла в детстве. И вы тут сыграли не последнюю роль.

– Ну да, оказывается, я виноват, что она такая дура, прости господи...

– Вы! – неожиданно резко сказала Ангелина. Прошлась по комнате и вновь села в кресло. – Можете уволить меня к чертям, но я скажу все, что думаю. Даша воспитывалась в закрытой школе, дисциплина там была строжайшая. За девочку все решали, к чему она привыкла. Вы хотя бы на минуту способны представить себе, как ей было одиноко? Девочке всю жизнь катастрофически не хватало тепла и любви. Она столько пережила, но рядом не было близкого человека. Поэтому она до сих пор психологически маленькая. Подсознательно Даша хочет дополучить то, чего лишилась в детстве. Она и любить-то толком не умеет – никто ее этому не научил.

– Заткнитесь, иначе и правда уволю, – спокойно сказал

Артур. – Сам знаю, что наделал много ошибок. Как видите, пытаюсь их исправить, а вы мне нотации читаете. И потом, я с момента возвращения Дашки пытаюсь искупить свою вину. Все для нее делаю, Дарья ни в чем не нуждается.

– Вы откупиться пытаетесь! Даше нужны ваши понимание и любовь, а не дорогие подарки. И отпустите вы уже свою дочь! Сначала в школе заперли, теперь дома – поставили надзирателей, персонал настращали так, что в ее сторону люди посмотреть боятся, не то что поговорить с ней. Глеб от нее шарахается, как от чумы, когда Даша пытается с ним общаться. Дарья думает, что ее все презирают из-за богатого папочки. И комплексует по этому поводу. А вы? Что бы Даша ни сделала – замечания вместо похвалы. Бросьте вы свои тюремные замашки! Если хотите, чтобы ваша дочь была счастлива, примите ее такой, какая она есть, и побольше уделяйте ей внимания. Чтобы наладить с Дашей контакт, надо быть с ней в ее увлечениях. Вас Дарья узнать не успевает. Для нее вы не отец, а вечно отсутствующий субъект, который иногда припирается домой, чтобы сделать ей очередное замечание. Думаете, я не вижу, что происходит? Жан мне говорил, что раньше у вас тут вечеринки были, музыкальные вечера, благотворительные акции чуть ли не раз в неделю, но как только Даша в Москву перебралась, вы домой никого не приглашаете. Вы собственную дочь стесняетесь!

– Все! Ты меня достала! Уволена! – рявкнул Гайворонский. – Пошла вон отсюда! Много ты понимаешь, курица!

– А хрен тебе! – неожиданно заявила гувернантка, сложила пальцы и показала Артуру дулю. – Я девочку не оставлю, без меня она пропадет. Я единственный ее друг в этом гребаном доме. И вообще, не смей называть меня курицей, тигран пустоголовый! – завопила Ангелина. Щеки ее запылали, потом побледнели.

Гайворонский некоторое время таращился на кукиш, как на анализ с положительной реакцией на сифилис. Ангелина спрятала руку за спину и часто заморгала.

– Прошу прощения, вырвалось, – прошелестела она, с ужасом глядя на хозяина дома, чье лицо тоже меняло цвета, как светофор.

Некоторое время в комнате стояла напряженная тишина.

– Так, ладно... успокоились, расслабились... – выдохнул Артур. И вдруг вновь заорал: – Все, что вы говорите, – чушь собачья! Начитались советов в глянце по психологии от доморощенных психологов... Любить такой, какая есть, уделять больше внимания... Чушь! Я люблю Дашку! Я люблю свою дочь! Просто... Вы не все знаете, Ангелина, – сказал он заметно тише и ладонью вытер пот со лба. – Слишком мало времени осталось. Слишком мало.

– О чем вы? Что я не знаю?

– Неважно, – отмахнулся Гайворонский. – Просто примите к сведению, что действовать надо быстро. Давайте не будем ссориться. Мы ведь союзники. Тривиальный подход к решению проблемы нам не годится. Нет времени. Короче, я

все решил: раз Дашка хочет Блума, будет ей Блум.

– Вы с ума сошли! – воскликнула Ангелина. – Да вы понимаете, что несете? Какой Блум к чертям?

– Обыкновенный. Звезды и политики частенько подраба- тывают, выставляя на аукцион в качестве лота ужин с собой любимым. Для америкосов свидания за деньги в порядке вещей, и мода эта до России уже докатилась. Наши звездули тоже с удовольствием принимают пищу с теми, кто готов вы- ложить за это вознаграждение. Горбачев, и тот отличился – ужин с собой на собственной даче выставил на аукцион. И, представьте себе, нашлись желающие заплатить хрену тучу денег за то, чтобы перекусить с бывшим генсеком. Лот ушел за четверть миллиона! Деньги, правда, на благотвори- тельность пошли. Хью Грант, кажется, оказался счастливи- ком, у Блума денег не хватило. Вот я ему и добавлю день- жат на следующий ужин с Михал Сергеевичем, – рассмеялся Гайворонский.

Ангелина смотрела на него, как на полоумного, и криво улыбалась.

– А вы не слышали другой случай? – азартно продолжил Артур. – Некоторое время назад одному нашему олигарху друзья выписали из Штатов аж саму Памелу Андерсон на ужин в качестве презента на день рождения. Вся столичная бизнес-тусовка только об этом и судачила. Спрашивается, чем я хуже? Деньги у меня есть, вот и выпишу для дочери Орландо Блума, пусть девочка порадуетя. Фанатам, как из-

вестно, не много надо для счастья, достаточно просто внимания звезды. Любое слово, прикосновение, взгляд, обращенный в их сторону, воспринимается как дар судьбы. Что уж говорить об ужине! Дашка описается от счастья, – заключил Артур и победоносно посмотрел на Ангелину. – Ну, как вам моя идея?

Лицо гувернантки имело такое ошарашенное выражение, что Гайворонскому сделалось неловко.

– Эй! – пощелкал он пальцами в воздухе.

– Да знаю я про эту моду, несколько лет в Америке жила, – отмерла наконец Ангелина, но... Как вы не понимаете, что такие игрушки опасны! Вообразите себе на минутку, что станется с девочкой, когда Орlando Блум снова исчезнет из ее жизни и забудет о ней. Дашу ожидают пустота и разочарование.

– Ничего с ней не случится! Она лишь получит то, о чем мечтала. Пусть ненадолго, пусть на один день, но девочка хотя бы один день в своей жизни будет по-настоящему счастлива. Короче, вы меня утомили. Вы со мной или нет?

– Да! – заорала Ангелина. – Пусть будет так, как вы хотите. В конце концов, это ваше дело и ваша дочь.

– Вот и славно, и не надо так орать. Итак...

– Мои бывшие работодатели вращались в киношной тусовке. Попробую выйти через них на агента актера. Обещать ничего не могу, но искренне надеюсь, что у нас все получится, – потряхнув головой, словно отгоняя наваждение, сказала

она, посмотрела на часы и направилась к двери.

– Ангелина, – окликнул ее Артур. Гувернантка обернулась.

– Все еще хотите меня уволить? – ехидно поинтересовалась она.

– Не угадали. Хочу спросить, какое на вас белье.

– Что?

– Белье какое на вас сейчас надето?

– Зачем вам? – осторожно уточнила Ангелина, с трудом пытаясь сохранить невозмутимость.

– Мне просто интересно.

– Ну вы и хам... – протянула Ангелина. – Так и быть, удовлетворю ваше любопытство. Сейчас на мне хлопчатобумажный бюстгальтер в цветочек и панталоны с начесом до колен, – сказала она ехидно и вылетела из комнаты, громко хлопнув дверью.

Панталоны с начесом? Артур весело расхохотался. Оказывается, у гувернантки еще и с чувством юмора все прекрасно. Никогда бы не подумал... А как она на него наехала и тупоголовым тираном назвала? Ничего себе мегеру он для дочурки нанял! С виду такая тихая, воспитанная, «спасибо», «пожалуйста» да «будьте любезны», спинка стройная, личико строгое, очки, балетный шаг... И панталоны с начесом! Гайворонский снова заржал на всю комнату. Правильную он гувернантку дочке нанял!

Настроение наладилось. Артур достал из бара виски, сде-

лал два больших глотка из горлышка и с бутылкой вернулся за стол. Как ни печально, но Ангелина попала в точку – он пустоголовый тиран, копия своего деспотичного папаша. Тот его шпынял всю жизнь, а теперь он Дашку шпыняет. Папенька его идиотом всю жизнь считал, и он, Артур, не видит в Дашке ничего, кроме дури. Но она и впрямь дура! Надо же было ухитриться влюбиться в кинозвезду!

Артур сделал еще два глотка и с грохотом поставил бутылку на стол. Сам виноват, что Дашка такая балда, сам все и исправит. Неважно, балда не балда, но дочка станет самой счастливой девушкой на свете. Нет в этом мире ничего невозможного. Завтра они свяжутся с агентом Блума, объяснят ситуацию, денег предложат, организуют встречу. А дальше... О том, что будет дальше, Артур предпочел не думать. Воображение его уже рисовало живописную картину: лучший ресторан Москвы, белый рояль, дочь в вечернем алом платье от Харимуки Мукахари, крахмальные скатерти, свечи, цветы, официанты во фраках, шампанское в хрустальных бокалах. Дочь приходит в ресторан первой, садится за столик, на щеках ее играет румянец, она смущенно оглядывается по сторонам, не понимает, что происходит, и вдруг входит Он...

На этом моменте воображение Артура Георгиевича забуксовало: имя «Орландо Блум» было у него на слуху, но фильмы с участием актера как-то просквозили мимо, и внешность его Гайворонский помнил смутно. Артур напряг память –

кроме очкарика Гарри Поттера никаких образов в голове не всплыло, пришлось включить компьютер и выйти в Интернет. Фото Орlando его разочаровало: красавчиком, по мнению Артура, Блума можно было назвать с большим натягом – ни мышц, ни бицепсов, ни рожи с кожей! Ничего удивительного, что его непутевая дочурка втрескалась по уши именно в такого ханурика. Нашла кумира! Надо же, штаны, бедняга, из-за худобы потерял на таможне, поражался Артур, проглядывая статьи о Блуме. Да он еще и буддист! Как в такого можно влюбиться? То ли дело Ричард Гир, Харрисон или Клуни, на худой конец. Впрочем, у молодых свои кумиры – очкарики Поттеры, эльфы Блумы и гоблины Биланы...

Гайворонский открыл фильмографию Блума, и картинка будущей феерической встречи дочери с Орlando, которую он навообразал, резко сменилась. Вместо дорогого ресторана, белого рояля и официантов во фраках в голове замелькали сказочные леса, населенные экзотическими созданиями, готические замки и старинные каравеллы с пиратами. Кровь в венах забурлила и ударила в голову шампанским. Гулять так гулять! Раз уж дочь влюбилась в эльфа, то и антураж для встречи нужно придумать соответствующий. Он такой праздник сердца для Дашки организует, что ужин с Памелой Андерсон покажется всем заурядным событием, столичная бизнес-тусовка ошалевает от размаха, а партнеры и конкуренты застрелятся от зависти. Это будет триумф! Сенсация! Феерия!

Гайворонский шумно вздохнул, чтобы унять сердце от бешеных скачков. Успокоиться не получалось. Артур резко поднялся, отшвырнув стул, распахнул окно и вдохнул полной грудью прохладный аромат весны. Голова закружилась, он попятился и рухнул на диван. Тюлевая занавеска взмакнула к потолку, окно захлопнулось, воздушная ткань медленно опустилась, но Гайворонский успел увидеть ее – птицу с синими крыльями. Она стучала золотым клювом по стеклу и рвалась в комнату. Стучала и стучала, тук, тук, тук... Артур хотел подняться, чтобы впустить птицу, но не смог пошевелиться, руки и ноги онемели, навалилась смертельная усталость...

– Пап, ты бы хоть бы на диван лег. А то раскорячился на столе, как краб. Па-а-ап!

Артур открыл глаза, поднял голову и с удивлением огляделся: он все так же сидел за письменным столом, дочка – босая, в пижаме и с любимым плюшевым мишкой под мышкой – стояла посреди кабинета и озадаченно на него смотрела. Гайворонский потянулся до хруста и сладко зевнул, а потом резко обернулся – на окне по-прежнему висели плотные гардины цвета бордо. Ну да, никакого тюля у него на окнах сроду не было. Настя его терпеть не могла и за годы семейной жизни супругу к нему отвращение внушила.

– Во черт! Который час? – спросил Артур, потирая кулаками глаза и пытаясь стряхнуть с себя остатки сна.

Компьютер мерцал экраном, Гайворонский шелкнул

мышкой, торопливо закрыл страницу поисковика со ссылками на Орландо Блума и окончательно проснулся.

– Половина третьего, – проворчала Дарья, указав плюшевым медвежонком на настенные часы. – Работаешь круглые сутки и совсем себя не жалеешь.

– А сама-то почему не спишь? Опять в Интернете торчала до одурения? Синячищи под глазами, страшно смотреть.

– Если страшно, так и не смотри. Спокойной ночи, – буркнула Даша и пошлепала к двери.

– погоди, Даш... – остановил дочку Артур. – Сегодня, так и быть, отсыпайся, но завтра я тебя рано подниму.

– Зачем? – Дарья остановилась и поболтала плюшевой игрушкой.

– На работу вместе поедem. Давно хотел показать тебе свою компанию. Познакомлю тебя с персоналом, объясню, чем занимаюсь. Ведь тебе это всегда было интересно, правда? И потом, я хочу, чтобы мы больше времени проводили вместе.

Даша хмыкнула и посмотрела на него странно – не то испуганно, не то удивленно. Но радости в ее синих очах отец не заметил.

– Ты правда этого хочешь? – спросила она лениво.

– Да, я правда этого хочу! – отрезал Артур. – Иди ложись, и не ходи больше без тапок.

– Ну, хорошо, – кивнула дочь и вышла из комнаты.

– «Ну, хорошо...» – передразнил Гайворонский, пошел-

кал выключателем настольной лампы и улыбнулся.

Впервые он не ощутил раздражения в ответ на Дашкино безразличие. Эйфория от мысли, что он придумал ради дочки грандиозную авантюру, гасила все негативные эмоции, как укус соду. Он на правильном пути. Все идет по плану. Ангелина займется агентом, он выступит спонсором, осталось найти организатора, режиссера, массовика-затейника высокого уровня, который поможет ему воплотить грандиозную идею в жизнь. Где его искать, Артур Георгиевич Гайворонский уже знал – слышан был о некоем Варлаамове, мастере персональных реалити-шоу. Все складывалось удачно, Артур видел в новостях, что режиссер на прошлой неделе прилетел в Москву из Копенгагена, где он жил и творил в последние годы.

Прилетел... Слово показалось Гайворонскому символическим, и он улыбнулся своим мыслям, еще раз сладко потянулся. Спать больше не хотелось. Дома сидеть тоже желания не было – Синяя птица манила его к себе. Он спустился в гараж и сел за руль.

Глава 2. Готическая принцесса

Первое, что бросилось в глаза следователю Елене Петровне Зотовой, – цветной коллаж на стене одной из комнат. В готический интерьер квартиры картинка явно не вписывалась и выглядела кустарно на фоне прочих элементов декора. Начиная от половика перед входной дверью, заканчивая коваными ручками кранов в ванной, все было выдержано в одном ключе, подобрано по цвету и тематике – черная аскетичная мебель под старину, стены цвета пергамента, рамы, выкрашенные в темно-серый цвет, шелковые гардины, тюль, имитирующий витражные окна, низко нависающие над головой кованые люстры, дубовый паркет, выложенный шашечками, однотонные ковры, старинные гравюры, настенные светильники. В спальне поражала воображение кровать – широкое ложе с балдахином, ее дополнял невысокий комод с зеркалом в темной готической раме. В общем, довольно мрачная картина. Интерьер словно заведомо создавался как декорация для таинственных преступлений, и труп юной блондинки в шелковом пеньюаре смотрелся как элемент декора, как иллюстрация к кровавым зверствам прошлых веков, как нечто естественное. И вдруг, среди сумрака, – нависший коллаж на стене, солнечный и оптимистичный,рывающийся яркими красками в пугающий мир темного Средневековья. Впрочем, преступление вскоре перестало выгля-

деть таинственным, стало напоминать иллюстрацию к сказке «Красавица и Чудовище». Чудовищем оказалась дрыхнувшая пьяная образина в ванне, усосавшая пару бутылок виски в одну харю.

А начиналось все довольно мило. На столе – остатки изысканного ужина: к приходу гостя девушка запекла баранью ножку в духовке, красиво сервировала стол, поставила свечи, дорогое французское вино. На полу, в спальне, вечернее платье удивительной красоты – легкое облако сиреневого шифона, кружев и шелка. Любовники перекусили и прыгнули в койку, под рыцарский балдахин. Занялись любовью... Что произошло потом? Потом романтика закончилась, и эта ночь стала для девушки последней, ее застрелили тремя выстрелами в упор, стреляли через подушку, чтобы заглушить звук и не испачкаться. Белоснежный пух разлетелся по шелковым простыням, как снег, опустился на мрачный пол, на длинные шелковистые волосы девушки. На ее лице умиротворение. По словам судмедэксперта, Екатерина Кутузова спала, когда все случилось. Смерть наступила между половиной четвертого и четырьмя часами утра.

По предварительной версии следствия, любовник выпил лишку, озверел и пристрелил свою пассию, а потом решил принять ванну, где его, собственно, и обнаружили прибывшие сотрудники местного отделения милиции. Потерпевшая, как выяснилось, нравилась участковому Петру Звонареву. Знакомство его с Екатериной Кутузовой случилось три

месяца назад из-за жалоб соседей на постоянный шум в квартире, где шел в тот период ремонт, – рабочие долбили стены даже по ночам. Клятвенно заверив стража порядка, что не будет шуметь в неположенное время, Кутузова одарила участкового обворожительной улыбкой и пригласила его на новоселье. На новоселье участковый не пошел, понимая, что приглашение было лишь вежливой попыткой уладить конфликт, но образ девушки в душу молодому человеку запал. «Она из наших, без понтов, хотя и выглядит, как сука из высшего света», так охарактеризовал потерпевшую Кутузову Звонарев.

На месте происшествия участковый оказался одним из первых. Прибыл с местными милиционерами, которых дежурный отправил проверить информацию, поступившую на пульт: в десять минут пятого на пульт дежурной части позвонил неизвестный и сообщил, что пристрелил одну тварь, назвал адрес и произнес вдобавок короткую нелитературную фразу. Звонивший был сильно нетрезв и не совсем адекватен, что вызывало сомнение в достоверности информации.

Приехав по адресу, милиционеры обнаружили, что дверь в обозначенную квартиру не заперта. Увидев растерзанное тело красавицы Кутузовой и плавающую в ванне кучу дерьма в лице нетрезвого субъекта, участковый Звонарев не совладал с собой, и только чудо спасло чудовище от утопления в благоухающей ароматическими маслами водичке. Когда на место происшествия прибыла оперативно-следствен-

ная группа во главе с Еленой Петровной Зотовой, гражданин все еще плавал в ванне. Милиционеры побоялись нарушить картину. Идиоты!

В кармане пиджака подозреваемого обнаружались водительские права на имя Семеновича Ильи Аркадьевича и визитки, где значилось, что он является управляющим одного из крупных банков Москвы. Управляющего с трудом выловили из ароматной пены, замотали в большое полотенце и водрузили тело на готический диван в гостиной, где банкиром вплотную занялись криминалист Владимир Рыжов и оперативник Венечка Трофимов. Однако попытка допросить управляющего успехом не увенчалась: после общения с участковым Семенович был не в состоянии даже сидеть, не то что говорить. Банкир не понимал, что происходит и где он находится, мычал, шмыгал разбитым носом, пускал слюни и тарасил один глаз, другой в силу некоторых причин временно не открывался.

Следов пороха на руках, теле и одежде Семеновича, доказывающих, что именно банкир стрелял в потерпевшую, не обнаружилось. Либо смыл, либо стрелял в перчатках, а потом избавился от них. Так же как и от пистолета – найти оружие преступления пока не удалось.

С каждой минутой банкиру становилось хуже. Вызвали врача, и с диагнозом острое алкогольное отравление «Скорая» транспортировала банкира в больницу в сопровождении одного из милиционеров. По поводу происхождения

травм на фейсе банкира врачу вежливо объяснили, что господин Семенович отказался от помощи сотрудников правоохранительного порядка в извлечении его брэнного тела из водички и самостоятельно пытался выбраться из ванны, вследствие чего поскользнулся и упал (несколько раз) на кафельный пол.

– Надеюсь, банкир до больницы доедет, – вздохнула Зотова.

Участкового с компанией она отослала с глаз долой искать пистолет, который, по озвученной версии, Семенович выкинул из окна или с балкона квартиры. На участкового Елена Петровна была зла, как сто чертей. Хотелось самого его в ванне утопить, чтобы впредь самодеятельностью не занимался и руки не распускал. Она парня «прикрыла», но вовсе не потому, что жаль стало. Насмотрелась она мальчиков, которые, едва надев форму, тут же начинают чувствовать себя властителями мира и вести себя соответственно. Звонарев был одним из них, петушок нахохлившийся. Просто Елена Петровна опасалась, что, если информация о поступке петушка выплывет, адвокаты из нее выжмут все, что могут, и поедет Семенович вместо суда домой, пить боржоми.

– Надеюсь, что он сдохнет по дороге, падаль, – зло сказал судмедэксперт Палыч, по паспорту – Сергей Павлович Веснин.

Елена Петровна с удивлением посмотрела на эксперта. Веснин сегодня был явно не в духе, что случалось с ним крайне редко. Нарушить невозмутимость Палыча не мог-

ли никакие кровавые зверства нелюдей, разве что совсем уж беспредельные случаи. Убийство в готической квартире, по мнению Зотовой, беспредельным случаем не являлось – обычное бытовое убийство по пьянке, но Палыч (так судмедика называли коллеги) хмурился и носил свое пузо по квартире, недовольно бубня себе под нос ругательства.

Зотова в очередной раз замерла напротив коллажа, вглядываясь в вырезанные из глянцевого журналов картинки, хаотично наклеенные на обычный лист ватмана.

– Напоминает детское творчество, – сказала она.

– Какие дети у готов! – возмутился криминалист Рыжов, неверно истолковав мысль Елены Петровны. – Готы о смерти только думают, а дети – это жизнь.

– Да она сама еще ребенок! Двадцать три года, – проворчал судмедэксперт. – Молодая, здоровая, красивая, а спала с мужиком, который ей в отцы годится, ради бабла.

Палыч в очередной раз выругался, и причина его недовольства всплыла на поверхность.

Банкир действительно был старше Екатерины Кутузовой на двадцать пять лет. Мало того, для своего возраста он довольно скверно сохранился. Зотова была спокойна к внешней привлекательности мужчин, считая, что для представителей сильного пола упаковка не главное, но когда банкира выловили из ванны и перед ней предстал во всей красе кривоногий беременный карлик с повышенной волосатостью и оплывшей рожей, то даже ее слегка передернуло. Единствен-

ное, что у него было... Впрочем, к делу это не относилось, и Елена Петровна снова сосредоточилась на созерцании загадочного коллажа.

– Младших братьев, сестер, племянников у потерпевшей тоже нет, – добавил оперативник Трофимов. – И не смотрите на меня, как на пророка, – хмыкнул он, как обычно, слегка презрительно.

Манера Венечки излагать свои мысли в подобном ключе никого давно не смущала, все прекрасно знали, что внешняя его высокомерность просто маска, за которой опер прячет ранимое сердце и комплексы. Трофимов был любимчиком Зотовой. Елена Петровна выделяла Венечку из всех оперов и ценила за общую эрудицию и сообразительность. Тот отвечал ей взаимностью, которую тоже тщательно скрывал и редко демонстрировал. Впрочем, Зотову все сыскари любили, чувствовали в ней родственную душу – она проработала на Петровке пятнадцать лет и ушла с оперативки лишь потому, что начались проблемы со здоровьем и бегать по свидетелям стало тяжело, да и несолидно в ее возрасте.

– Вень, не томи, – поторопила Елена Петровна опера.

– Потерпевшая бывшая детдомовка. Воспитывалась в одном из московских интернатов для детей-сирот.

– А квартира чья?

– Кутузовой. Нашел в документах договор купли-продажи, квартира приобретена у риелторского агентства. Но в паспорте отметка о регистрации по другому адресу, на ули-

це Вилиса Лациса, в Тушине. Думаю, там жилье, которое ей государство выделило.

– Для бывшей воспитанницы детского дома девушка довольно высоко взлетела, – сказала Зотова. – Трехкомнатная квартира в хорошем районе, дорогой ремонт, обстановка...

– Да никуда она не взлетела, – возразил Трофимов. – Она была студенткой, училась на втором курсе РГГУ на юриста. Умом особым не блистала, в зачетке сплошняком «удовлетворительно».

– Поступление в высшее учебное заведение для детдомовских детей – настоящий подвиг, – заметила Елена Петровна. – У них обычно одна дорога – в ближайшее профильное училище. В вузы единицы поступают, меньше десяти процентов, подготовка в интернатах, к сожалению, очень низкая, а подтянуть детей некому, пап с мамами, которые репетитора наймут и подмажут, кого надо, нет. Так что делать выводы об интеллекте рановато.

– Кутузова действительно сначала в училище сунулась. Отучилась на швею, поработала на фабрике по пошиву одежды месяца три да и уволилась по собственному желанию. С тех пор в трудовой книжке ни одной записи. Видно, спонсора богатенького нашла. А вы говорите – взлетела. Это по-другому называется – опустилась.

– Свяжись с риелторским агентством, – обратилась к Трофимову Елена Петровна. – Попробуй выяснить, кто Кутузовой квартиру купил.

– На фигу готической принцессе с такими ногами и внешностью вообще учиться? – влез Рыжов. – Фотки ее посмотрите...

Владимир сунул Елене Петровне под нос альбом. Со снимков на нее смотрела красивая светловолосая девушка с длинными ногами, с застенчивой улыбкой и наивным взглядом. На девицу легкого поведения Екатерина Кутузова не походила даже отдаленно, на охотницу за мужиками тоже. Было в ней что-то особенное – детская непосредственность, очарование и искренность. Возможно, именно эти качества и ценили в ней богатенькие буратины, которым надоели гламурные барышни.

– В институт такие поступают, чтобы мозги всяким банкирам пудрить, – сказал Трофимов. – Дескать, я умная, а не кукла. Не факт, что сама поступила, может, спонсор помог. И вообще, с чего вы взяли, что она – гот? Очевидно же, что стилизованный под средневековые интерьер – обычная дань моде. Либо Кутузова сама выпендривалась, либо ее благодетель под себя хоромки ремонтировал, чтобы перцу в отношения добавить. В гостиной видел стопку «Космо» и других глянцевого журналов, в кабинете на полках вовсе не Эдгар По, Лавкрафт, Стoker или Кинг, а книжонки про то, как, ни фигу не работая, заполучить состояние и что надо сделать, чтобы выйти замуж за миллионера. У нее из художки вообще ничего нет, ни прозы, ни поэзии. Обычная безмозглая соержанка! – возмутился Венечка.

В отделе он слыл литературным снобом и постоянно бухтел по поводу засилья попсы на полках книжных магазинов, ругая современную литературу почем зря и назидательно советуя всем читать русскую классику, Маркеса и Кафку. При чем у Елены Петровны было подозрение, что свои обширные знания в области большой литературы Венечка почерпнул не из книг, а из литературоведческих очерков и критических статей, а сам втихаря почитывал детективы и фантастические романы.

– У адептов готической культуры в обязательном порядке должна быть в наличии мрачная поэзия, – с убеждением добавил Трофимов, чтобы подкрепить свою версию. – А у Кутузовой настольная книга – модный бестселлер «Секрет» Ронды Берн. Все просто помешались на этой ерунде.

– Нормальная книжка, – возразил Рыжов. – Моя жена ее прочитала, налепила на холодильник открыток с видами морей, экзотических островов и пятизвездочных отелей, сидит, пельмени лепит и мечтает, что мы в отпуск на море поедem. Меня при этом не достает, как раньше, с утра до вечера – когда, когда, когда... Денег тоже не просит, вообразила, что тугрики у нас есть и она может теперь позволить себе все. Не жизнь стала, а рай! – эмоционально воскликнул Владимир и снова вернулся к фотографиям в альбоме. – Незабудка, – прокомментировал он, с восхищением глядя на один из снимков. – Жаль, такой цветок загубили.

– Работай, Вова, работай! – Елена Петровна захлопнула

альбом и отложила его на письменный стол, не дав Рыжову вдоволь насладиться красотой и изящными формами девушки.

Венечка, как всегда, прав. Ей тоже с самого начала показалось, что интерьер не отражает внутренний мир хозяйки. В культуре готов следователь слабо соображала, поэтому не обратила внимания на книги и гляцевые журналы, но коллаж настолько выбивался из общей картины, что не заметить его было невозможно. Раз якобы рьяная блюстительница мрачного стиля не погнушалась повесить его на стену, то, выходит, он значил для девушки очень многое.

– Профанация это все, – ответил криминалисту Венечка. – Загадал желание, отправил его во Вселенную – и сиди жди, когда оно исполнится. Мол, главное – захотеть, и все будет в шоколаде. Чушь какая!

Тема модной книги Трофимова не отпускала, и всем стало понятно, что бестселлер он внимательно прочитал. Зотовой вдруг тоже все стало понятно.

– Ребята, вы оба – гении! Это же сокровенные желания потерпевшей Екатерины Кутузовой, – сказала она, кивнув на коллаж. Все уставились на кусок ватмана с приклеенными к нему вырезками. – Корабль с алыми парусами, фата, золоченая карета, замок, сундук с сокровищами... Похоже, Кутузова, несмотря ни на что, была романтической натурой, поэтому свои желания она изобразила в такой вот форме. Девушке хотелось жить в достатке и выйти замуж за принца, тут все

понятно. Но что означают вырезанные из детских журналов куколки Барби? Она хотела походить на куклу? Стройной всегда быть? Что-то я не понимаю. А затрапезное кирпичное пятиэтажное здание, обнесенное забором, как сюда попало? И почему она его перечеркнула?

– Такое здание есть у нее в альбоме. Это интернат, где она выросла, – сказал Владимир подавленно. – А кукол ей, видно, в детстве недоставало. На лист она наклеила и свои детские мечты.

Всем отчего-то стало неловко.

– Ладно, работаем, ребятки, – переключила всех Зотова. – Трофимов, по контактам Кутузовой пройдишь, – вручив оперу мобильный девушки, попросила Елена Петровна. – Личность потерпевшей для меня по-прежнему весьма туманна, хотелось бы узнать подробности о ее жизни. Может, у нее подруги близкие есть. Что-то у меня в голове не стыкуется... По месту регистрации тоже неплохо было бы сгонять.

Телефон в руке Вениамина ожил, и он от неожиданности выронил его на пол. Неуклюже поднял, посмотрел на дисплей, прочитал:

– «Наденька».

– Что-то рановато эта Наденька звонит – шесть утра, – взглянула на часы Елена Петровна. – Дай-ка я сама...

Зотова забрала у опера трубку и тихо сказала в нее:

– Слушаю.

– Катюнь, прости, что так рано. Распсиховалась я что-то.

Проснулась мокрая вся, сердце стучит, как чугуновое. Сон мне про тебя приснился ужасный. Что твой Железный Дровосек застукал тебя с банкиром и топором зарубил. Прикинь, кошмарики какие... Чего молчишь-то? Дядюшка Скрудж вусмерть затрахал? – нервно хихикнула Наденька. – Катюня, ку-ку? Ну ладно, спи дальше. Я тебе днем позвоню, расскажешь, как все прошло.

– Надежда, здравствуйте. Дело в том, что с Катей случилось...

– Кто это? Где Катя? – спросила Надя, зарыдала навзрыд и отключилась.

В квартиру ввалились изгвазданные в грязище сотрудники местной милиции.

– Все под окнами обыскали, сантиметр за сантиметром, – доложил участковый. – Пушки нигде нет. Мы даже мусоропровод проверили. Я узбеков, дворников местных, поднапряг, и они нам всю кучу перерыли. – Звонарев довольно хохотнул. – Может, козлина пистоль все-таки где-нибудь в квартире заховал?

– Мужики, а вы металлоискателем не пробовали? – скептически спросил Рыжов, оглядев грязных по уши сотрудников правопорядка.

– Он взял пушку с собой, – сквозь зубы процедил Зотова.

– В больницу? – ошалел участковый.

– Ищи пушку! И пока не найдешь, не возвращайся! – рявкнула Елена Петровна. Участковый раздражал ее все

больше. Тоже еще, бай выискался – узбеков он поднапряг...

– Так это... мы ж все уже облазили...

– Отрабатывай! – рявкнула Елена Петровна. – А как расцветет, пройдешься по квартирам и соберешь информацию.

Звонарев сплюнул сквозь зубы и вышел. «Свинья», – прошептала ему вдогонку ругательство Елена Петровна. Руки так и чесались накатать на участкового рапорт.

– Вень, звони этой Наденьке, выясняй адрес и дуй к ней. Судя по всему, она подруга Кутузовой. Утешь девушку, расспроси подробно.

Опер отбыл выполнять поручение, а Зотова повернулась к криминалисту.

– Володя, мне бы экспертное заключение по исследованию пуль и гильз получить поскорее... И выяснить, имеются ли такие пулечки с гильзочками в нашей картотеке и не засвечена ли пушка прежде. Поторопись, а... Говорят, у вас какую-то новую чудо-технику поставили, – ласково пропела она.

– Леночка Петровна, вы ж знаете, я не по этой части, – закатил глаза Рыжов. – Баллистикам передам, а там уж от них все будет зависеть.

– Не парь мне мозг, голубь сизокрылый! – сменила Зотова тон. – Все вы там одним миром мазаны! Попроси, чтобы сделали как можно быстрее. С меня... – Елена Петровна на секунду задумалась. – В общем, ты меня знаешь, я в долгу не останусь, – утешила она криминалиста.

Владимир скорчил физиономию. Он терпеть не мог напрягать друзей, потому что потом друзья напрягали его, а в итоге всем приходилось бухать, то возмещая благодарность за компанию, то за компанию принимая благодарность. Не то чтобы Вова не любил выпить за компанию, он просто ненавидел скандалы и каждый раз, возвращаясь домой в нетрезвом виде, переживал, что супруга когда-нибудь выполнит обещание и в самом деле снимет с него скальп.

– Что вы так всполошились? – вздохнул Рыжов. – Можно подумать, первый раз замужем.

– Вова, мы упустили время, возясь с банкиром. Теперь надо его нагнать.

– Сомневаюсь, что Кутузову грохнул кто-то третий. Следов пребывания в квартире еще одного субъекта я не обнаружил. Старые отпечатки, не принадлежащие Семеновичу и Кутузовой, присутствуют, а свежих, увы, нет. Следов взлома на замке тоже нет. Потерпевшая в момент смерти спала, значит, она не могла впустить убийцу в квартиру. А вот пальцы Семеновича на двери присутствуют. В дежурную часть звонил с домашнего телефона Кутузовой пьяный вдрызг мужик. Я прямо вас не узнаю, Леночка Петровна! Построили сейчас версию на основании звонка неизвестной Наденьки, которой кошмар приснился... Да мало ли кому что во сне привидится? Мне давеча снилось, что жена мне изменяет.

– Вот! – ткнула пальцем в лоб Рыжова Елена Петрова.

– Что значит – вот? – оторопел Вова.

– А то и значит. Наденька подсказала нам мотив этого убийства: ревность. Кутузова изменяла некоему Железному Дровосеку с дядюшкой Скруджем, прости господи. В переводе – с банкиром Семеновичем. Не Семеновичу она изменяла, а Дровосеку. Раз Наденька так волновалась и даже позвонила Кутузовой в шесть утра, чтобы проверить, все ли с девушкой в порядке, то сегодняшняя ночь для потерпевшей была предприятием рискованным. Полагаю, в любой момент мог нагрянуть Железный Дровосек и порешить изменницу. Выходит, Наденька не напрасно волновалась, потому как в активе у нас труп Кати. Вывод: у Екатерины Кутузовой есть еще один покровитель, и тот – птица еще более высокого полета, чем управляющий одного из крупнейших банков Москвы. И последнее: Семенович вел себя довольно странно. Сначала позвонил в милицию, рассказал, что сотворил, открыл дверь, а потом вдруг избавился от орудия преступления и решил ванную с ароматной пеной принять?

– Банкир же пьян был в сосиску. На бутылках виски, которые он за вечер усосал, только его отпечатки, то есть его никто не поил насильно. Прикиньте, что можно наворотить с такой лошадиной дозой алкоголя в крови. Не мне вам рассказывать, сколько нелепых убийств совершается по пьяни. И потом, с чего вы взяли, что банкир сначала позвонил в милицию, а потом от пистолета избавился? Возможно, все было наоборот: Семенович грохнул Кутузову, избавился от орудия преступления, а потом его обуяло раскаяние, он по-

звонил в милицию и нырнул в ванну – помыться, так сказать, перед заключением под стражу.

– Тем более баллистическая экспертиза нужна срочно, – с нажимом сказала Елена Петровна. – Вдруг нам повезет и пушка за банком Семеновича числится. Допустим, банкир прихватил пистолет в оружейке, перед тем как на свидание поехать. В этом случае против Семеновича у нас хоть что-то будет. Помяни мое слово, он очухается, вызовет роту дорожных адвокатов, и жизнь нам медом не покажется. Дядюшка Скрудж... это ж надо, – усмехнулась Елена Петровна. – Видно, банкир жадный был до денег.

– Поэтому он и банкир, – рассмеялся Рыжов. – Леночка Петровна, вечно вы усугубляете. Дался вам тот пистоль! У нас есть фонограмма звонка в дежурную часть, причем с признанием в убийстве. Проведем экспертизу, идентификацию личности по голосу, и никакие адвокаты Семеновичу не помогут.

– Что-то я слабо в это верю. – Елена Петровна склонилась к уху Рыжова и сказала шепотом: – Опасаюсь, что корреляция результата будет высокой из-за того, что участковый Семеновичу два зуба выбил.

Криминалист заржал во всю пасть.

– Ну ладно, ладно, уговорили. Сделаем в лучшем виде, как говорится.

– Сделай, Володь, – покивала Елена Петровна. – Ох, не нравится мне это дело. Чую, пахнет жареным.

– Вечно вы драматизируете, – улыбнулся криминалист, не веря, что вскоре выяснится: интуиция Елену Петровну не обманула.

Глава 3. Дядюшка Скрудж

Утром следующего дня Зотову ошарашили сразу две новости. Баллистическая экспертиза показала, что пистолет, из которого застрелили Екатерину Кутузову, проходил по еще одному делу об убийстве, «глухарю» двенадцатилетней давности. Результат патологоанатомического исследования трупа тоже впечатлял: Палыч насчитал у потерпевшей Кутузовой пять давних прижизненных переломов непонятного происхождения. Травмы были получены в разное время. Где и при каких обстоятельствах девушка ухитрилась сломать два ребра, лодыжку, запястье и ключицу – предстояло выяснить.

– Надя, скажите, пожалуйста, Катя увлекалась экстремальными видами спорта? – спросила Зотова, разглядывая хмурую девушку с грубыми, мужскими чертами лица и крупными руками.

Глядя на Надежду Серову – как выяснилось, близкую и единственную подругу Кутузовой, – невозможно было предположить, что кто-то может называть ее так ласково – Наденькой. Про таких говорят – мужичка. Обряди девушку в тельняшку и клеши – от парня не отличишь. Коренастая, плечистая, с короткой рваной стрижкой и широкими неухоженными бровями. Следить за собой Наденька явно не умела или не старалась: нездоровая кожа, расчесанные на лбу прыщи и заусенцы на пальцах. Одевалась Серова своеобразно: лило-

вый свитер из тонкого джерси и вельветовые темно-фиолетовые джинсы были куплены явно в фирменном магазине, но сидели на Наденьке, как седло на корове. Из узких штанов, собираясь на талии, вываливался лишний жир, плотно облегающий свитер фактурно обрисовывал несовершенство фигуры. Видимо, Наденька покупала вещи на два размера меньше с расчетом на то, что вскорости сбросит вес.

«Мечты, мечты...» – подумала Елена Петровна, поправив воротничок свободной блузки, скрывающей ее пышную грудь и прочие округлости. Еще Зотова подумала, что личная жизнь у Нади Серовой, должно быть, не складывается, раз она живет событиями и любовными похождениями своей единственной подруги Екатерины Кутузовой.

Смерть близкого человека Надя переживала тяжело. Трофимов, когда приехал к Серовой, застал девушку в истерическом состоянии, граничащем с помешательством. Подручными средствами – валерьянкой и валокордином Трофимов успокоить Надежду не смог, вызвал «Скорую». После укола врача Надя уснула. Оставив в квартире соседку, которая вызвалась подежурить у постели Серовой, Венечка отбыл ни с чем. Выяснилось, что Надежда была зарегистрирована по тому же адресу, что и Кутузова. Знакомы девушки были еще по школе-интернату, где выросли. После выпуска, получив от государства по комнате в разных районах Москвы, подруги разменяли их на однокомнатную квартиру и поселились вместе. По описанию Трофимова, комната напоминала ателье

– ткани в рулонах, манекен, швейные машинки. Но прибрано и чисто. Венечка также отметил, что в квартире на улице Вилиса Лациса отсутствовала художественная литература, на книжных полках вместо книг сидели куклы Барби в бесчисленных количествах.

Серова молчала, исподлобья смотрела на Зотову и грызла пухлые губы.

– Надя, я понимаю, что вам очень тяжело сейчас. Но, пожалуйста, постарайтесь сосредоточиться. Ради своей подруги. Нам нужна информация. Ваша подруга увлекалась экстремальными видами спорта?

– Нет, – подавленно сказала Надежда.

– Тогда откуда у Кати переломы?

– Не знаю, – слишком поспешно сказала Надежда и отвела взгляд. – Катя не занималась экстримом. Она рисовать любила и в куклы играть. Наряжать их. Однажды в интернате платье у одной куклы порезала и перекроила, там ей выпали потом по первое число. Месяц не разрешали с куклами играть! А по мне так платье даже лучше стало. Катюня модельером мечтала стать. В швейное училище поэтому пошла учиться. Ну и я за компанию пошла, но меня выгнали.

– Почему?

– Руки из задницы растут, вот почему. А у Катюхи все получалось. Всегда. Она особенная была. Ее, наверное, какая-нибудь залетевшая актриса родила.

– Почему же Катя свою мечту оставила?

– Ничего она не оставила, – Надя надула губы. – Знаете, какие она шмотки шила! Опупеть – не встать! Покупает модный журнал, выбирает модель и клепает, потом лейбл пришепывает, и готово дело – от бутиковой не отличишь. В основном Катюня для себя шила, чтобы выглядеть всегда на все сто. А когда деньги нужны были, строчила для продажи и через инет впаривала шмотье дурам всяким, лейбоманкам. На то и жили. Я ей помогала, как могла, за тканями и фурнитурой моталась, по клиентам тряпки развозила – отказов почти не было. Даже от тех, кто просекал, что вещи фуфельные. Ой... – спохватилась Надя, покраснела и посмотрела на Елену Петровну волком.

Зотова сделала вид, что ничего порочащего в поведении Кати и противозаконного в нелегальном бизнесе Кутузовой она не увидела. Надя расслабилась, продолжила рассказ.

– У Катюни со временем своя клиентура появилась. В общем, жили мы с ней неплохо. У Катюхи парень появился, красавец писанный. Роман закрутился сказочный – цветы, дорогие рестораны, клубы. Катька только и успевала по ночам себе новые наряды строчить, как Золушка. В общем, любовь-морковь, дело реально шло к свадьбе. И вот привел Костик Катюню с родителями знакомить... Костик – так того парня звали... Кате предки понравились, приятные вроде люди, приняли ее тепло, стол накрыли шикарный, а за ужином начали ее выспрашивать про родителей, про образование. Катька все честно выложила, что сирота, выросла в

детском доме, окончила швейное училище и сейчас швеей работает на дому. Так родичей прямо столбняк охватил, перекособочило их конкретно, они с такой брезгливостью на Катю стали смотреть, как на пьянь подзаборную.

– Я так понимаю, что после ужина в семейном кругу молодой человек Костя исчез с горизонта? – спросила Елена Петровна, заранее предугадав ответ.

– Откуда вы знаете? – искренне удивилась Надежда. – Да, испарился. Представляете, подлец какой? Посадил Катю на такси, пообещал позвонить и пропал. Катя подождала неделю, не выдержала, сама позвонила, а он номер сменил. Катюня перезвонила домой, чтобы просто поговорить. Она поверить не могла, что все может так в один миг закончиться. Позвонила и нарвалась на его мамашу. Грымза ей открытым текстом и выдала, что своего сына она не для того воспитывала, чтобы он путался с необразованными беспризорницами. Потребовала, чтобы Катя оставила их благополучную интеллигентную семью в покое, иначе мамаша пойдет в милицию и заявление напишет, что Катя украла у них антикварное кольцо прабабушки. Да Катюшка сроду ничего чужого не брала! – возмутилась Надежда. Нелегальный бизнес с самопальными вещами, обманом покупателей и неуплатой налогов девушки явно не считали чем-то зазорным. – Интеллигентная семья... Да в гробу я такие интеллигентные семьи видала! Сынуля их убогий только и умел, что у предков деньги тянуть и на хорошеньких девочек их спускать. Еще и на

коксе плотно сидел. Это мы уж потом узнали. А Катька разве виновата, что без родителей выросла? Разве мы виноваты, что наши мамыши-кукушки от нас отказались? Мою мамашу за пьянку родительских прав лишили, когда мне четыре года было. Ни разу не навестила! Ездил я к ней после выпуска, так лучше б не ездила...

– Катя сильно переживала разрыв? – попыталась сменить болезненную тему Елена Петровна.

История Кати Кутузовой напомнила ей сюжет гениального фильма «Москва слезам не верит». Сколько лет фильму, а он по-прежнему актуален. Казалось бы, двадцать первый век на дворе, но люди по-прежнему предпочитают выбирать себе партнеров из своей «стаи» и ограничивают круг, чтобы никто из посторонних в него не влез. Естественный отбор или снобизм, называть можно как угодно, но бывшего парня Кутузовой в какой-то мере можно понять. Наденька явно лукавила и рассказала далеко не все, выгораживая подругу. Не может быть, чтобы Константин не интересовался жизнью девушки перед тем, как сделать ей предложение и повести знакомить с родителями. Наверняка Кутузова, так же как и ее тетка, героиня культового фильма Меньшова, солгала своему избраннику и с самого начала построила отношения с ним на обмане, а когда обман раскрылся – все развалилось. Красавица Катя оказалась далеко не принцессой, как Константин воображал, пока ухаживал за девушкой. Надо быть собой, тогда на пути будут встречаться не фальшивые прин-

цы, а настоящие. Судя по тому, что случилось с Катей Кутузовой, жизнь ничему ее не научила.

– Катюня переживала ужасно. Любила она Костика сильно. Не за деньги папаши его с мамашей, а просто так любила, а он оказался свиньей, мажором убогим. Месяц в себя прийти не могла, плакала все, не ела ничего, в привидение превратилась, я еду в нее впахивала насильно. Потом вроде оклемалась, повеселела, но комплекс по поводу образования у нее в голову клином вошел.

– Почему Катя юридический факультет выбрала? – спросила Елена Петровна. – Она же творческим человеком была.

– Глубинно-мозговой заскок! – Надя постучала костяшками пальцев себе по лбу: подругу она явно в ее начинании с поступлением в институт не поддерживала. – Все на самом деле просто: мажор Костя в МГИМО учился, на юриста-международника, ну и Катюня решила получить именно юридическое образование, доказать, что она ничуть не хуже его. В МГИМО, конечно, рыпаться не стала, выбрала вуз попроще. Год ходила на подготовительные курсы, дома занималась. И поступила, вы представляете! – Наденька сделала большие глаза. Похоже, успех подруги стал для нее большой неожиданностью. – С высшим проходным баллом! На внутреннем драйве, что называется, так ей хотелось. Я прямо обалдела. А потом драйв прошел. Учеба Катюне тяжело давалась, с трудом сессии сдавала. Я ей говорю: да брось ты все, у тебя ж профессия есть, деньги зарабатываешь нормальные. А она

рогом уперлась. Еще у нее появилась мечта: выйти замуж за крутого мужика, за олигарха настоящего, а потом в шелках, бриллиантах и мехах всплыть в самые понтовые тусы, встретить там недоноска Костю и свысока, значит, на мажора посмотреть. Я знала, что добром это не кончится. Скоты они все зажавшиеся...

Надя снова заплакала. Зотова налила ей воды в стакан, девушка сделала пару глотков, шумно всхлипнула, вытирая тыльной стороной ладони слезы.

– С Семеновичем Катя когда познакомилась?

– Летом прошлого года. Кажется, в августе. А осенью он ей уже предложение сделал.

– Надя, Семенович Катю бил?

– Никогда даже пальцем не тронул! – возмутилась Серова. – Вообще-то нормальный он мужик. Страшный, правда, как урюк, и жлобливый малость. До смешного доходило: он Катюне купил дорогушую шубу, но разрешал ее надевать, только когда они вместе куда-то едут. С кольцом с брюликом та же история. Семенович ей кольцо подарил офигенное. Стоит столько, сколько наша квартира. Так вот, возвращались они домой после какой-нибудь вечеринки, Скрудж кольцо снимал с ее пальца и прятал в сейф. Одежду бутиковую, правда, не отнимал, задаривал ее бельем дорогушим французским. А у него дома столько всякого хлама ненужного – просто кошмар. Патефон военный с пластинками стоит в гостиной, лампы в зеленых абажурах, хрен знает сколько

им лет, целая комната старых книг и журналов, полки от пола до потолка, и еще много всякой рухляди. Скупой, но обещал Катюне ни в чем не отказывать, когда она замуж за него выйдет. Правда, зашибает Семенович конкретно. От него поэтому первая жена ушла, слиняла в Израиль. Не только, конечно, поэтому. Он ее, видать... это самое... Короче, очень он активный в постели. Не каждая молодуха такой напор выдержит, а жене его было за сорок. Она еще к тому же на религии кукукнулась. А посмотришь на Семеновича – никак не скажешь, что такой половой гигант. Маленький, что называется, да удаленький. Вернее, у него совсем не маленький... Ой, пардон...

Надя порозовела и нервно почесала лоб, содрав ногтями пару прыщей. Елена Петровна тоже слегка порозовела и часто заморгала, потому что видела воочию то, о чем говорила Наденька. И в данную минуту то, о чем говорила Наденька, живописно встало у Елены Петровны в памяти и никак не желало испаряться.

– Семенович любил Катю? – спросила Зотова, желая как можно быстрее избавиться от видения, но Наденьку эта тема явно волновала, и она снова заговорила о мужских достоинствах банкира.

– Сомневаюсь, что любил. Просто Катюня дядюшке Скруджу в удачный момент подвернулась под руку. Он сам рассказывал по пьяни, что после развода с женой ударился в разврат, переспал со всеми шлюхами Москвы. Это он Ка-

те рассказывал, – уточнила Надежда. – А потом его скрючило от жадности. За удовольствие же платить надо, а жене платить не надо. Про то, что скрючило, и про жену мы уж с Катюней сами додумали. Так вот, с Катей Скрудж познакомился как раз в период активных поисков супруги. Начали встречаться, он поближе Катюню узнал и вцепился в нее мертвой хваткой. Еще бы: красавица, ничего не просит, в постели не отказывает, как хозяйка очень экономная, каждую копейку считает, лишнего не тратит, слушается. Идеальная жена! Для Катюни он бы стал идеальным мужем. Ласковый, слова грубого не скажет, пожалеет всегда. Когда она ему о своей жизни рассказывала, Семенович плакал. Под булдой, правда, был, но все равно. У него тоже жизнь не сахарная оказалась. Мать его не любила никогда, в угол на горох ставила, отец ремнем лупил за любую провинность. В школе над ним измывались, били, потому что страшенький и маленький такой. Мы с ним похожи... в смысле... Ой, не о том я говорю... – Надя опустила глаза, долго рассматривала свои рабочие руки и ковыряла заусенцы. – А потом в жизни Кати появился другой мужик, и она от Скруджа сбежала к нему. Тоже не красавец, но респектабельный. Такой мужичина, огромный и не жмот. Вот она и клюнула. Все, что Катюня просила, он покупал по первому требованию. Вернее, денег давал и никогда отчета не требовал. Катюня на одно платье попросит, потом купит подешевле, а на разницу ткани всякие про запас. Куда мне теперь их девать? – Надя вопро-

сительно посмотрела на Зотову, словно совета у нее спрашивала. – Какой-то кошмар: куклы, ткани... Вышла бы Катюха замуж за Семеновича, ничего бы не случилось. Семенович не убивал ее. Он безобидный, хороший. А тот – не человек, а холодное расчетливое животное. Катю увел у Семеновича просто так, чтобы потешить свое самолюбие.

– Как звали любовника Кати? – спросила Зотова, но Надя ее не слышала, погрузившись в воспоминания.

– Он все делал только так, как удобно ему. Не нужна она ему была. С самого начала не нужна. В начале романа он пообещал жениться, с отцом своим познакомил. Катя его папаше обеды в больницу возила, всякие котлетки, бульоны. Нашла заботу на свою голову... Думала, этот оценит ее старания, старалась быть идеальной хозяйкой, страстной любовницей, а ничего не вышло. Он и замуж ее не брал, но и не отпускал. В конце концов Катюне все надоело. Время-то идет, молодость проходит. И она Семеновичу позвонила, решила возобновить отношения. Я ее умоляла этого не делать, оставить все, как есть, просила. Не послушала. У нее что в башку вступит, не выбьешь! Как же, замуж любыми средствами! Чтобы Костя ее мажорный на нее другими глазами взглянул! Семенович тут же прискакал...

– Надя, кто он, этот человек?

– Знаете, что... Я жить хочу! – неожиданно зло сказала Надежда. – Катюню уже не вернешь, а мне помочь некому. Вам надо, вы и выясняйте. Сами выясняйте, я умываю руки.

Катя, дуреха, себе могилу вырыла, а я ее подвиг повторять не собираюсь.

– Переломы от него Катя получила?

– Что вы ко мне пристали? – закричала Серова, лицо ее побагровело, руки затряслись. – Я устала, мне надо домой. Мне надо домой, слышите! Пошли вы все!

– Надя, успокойтесь. Это ваше право не отвечать на вопросы. – Зотова подписала пропуск и поднялась. – Пойдемте, я провожу. Все будет хорошо.

– Отпустите Скруджа, – хмуро сказала Надя перед уходом. – Он нормальный мужик. Не он это.

Зотова проводила подругу Кутузовой и вернулась в кабинет. После разговора с Наденькой на душе повисла тяжесть, расплзлась по сердцу чернильной кляксой. Девушку за отказ назвать имя второго любовника Кати Зотова не осуждала. Страхи ее были понятны. Прокручивая в уме разговор с Надеждой, она думала о Кутузовой и понимала, что скорый конец ее был предreshен с самого начала, хотя девушка цеплялась за жизнь и была очень сильной личностью, ведь добилась в жизни колоссальных успехов по сравнению со многими выпускниками школ для сирот. Статистика там жуткая. Эх, знали бы мамыши, на какую чудовищную жизнь они обрекают своих детей, лишая их любви и тепла! Сорок процентов юношей и девушек вскоре после выпуска связываются с криминалом и попадают за решетку, оказываются в интернатах для умственно неполноценных, спиваются, наркоманят,

становятся бомжами, лишаясь жилья по глупости или нечистоплотности других людей, кончают жизнь самоубийством, потому что не в состоянии привыкнуть к самостоятельной жизни. Редко кто из сирот доживает до старости...

Ну ничего, Железный Дровосек от правосудия не уйдет, мстительно подумала Зотова. По словам соседки Кутузовой по лестничной клетке, к Екатерине заглядывал импозантный крупный мужчина около сорока лет, который приезжал к девушке на черном «Кадиллаке». Портрет со слов соседки они составили. Кто таков, скоро будет ясно, когда помощники Елены Петровны отработают контакты Кутузовой через операторов сотовой связи. В крайнем случае через риелторское агентство можно будет на него выйти.

Напрягаться, выясняя личность таинственного любовника Кутузовой, не пришлось. Позвонил Трофимов, которому наконец-то удалось пообщаться с Семеновичем. Тот пришел в себя после очистки крови от немереной дозы алкоголя и был переведен из отделения интенсивной терапии в обычную палату.

Банкир оказался более разговорчивым, чем Надя, имя соперника выдал сразу. Причем Семенович всерьез решил, что именно конкурент его отмутил, неожиданно явившись на квартиру, где случился адюльтер. Очнувшись, банкир очень удивился отсутствию во рту двух дорогущих металлокерамических коронок и так расстроился, что известие о смерти Кати Кутузовой воспринял без лишнего драматизма, namного

больше его беспокоило, куда делись его зубы. Венечка изложил банкиру версию про пол, который несколько раз поднялся и стукнул Семеновича по лицу. Банкир поверил. О ночи в квартире Кутузовой он мало что помнил. На свидание приехал уже навеселе – принял для храбрости, собираясь сказать любовнице, что передумал жениться, потому что у него есть другая женщина. Однако Екатерина так и не узнала об этом. Семеновича бывшая невеста встретила такой обворожительной, что он решил неприятный разговор немного отложить, поужинал, принял еще для храбрости, потом еще... дальнейшие события начисто стерлись из памяти банкира.

Зотовой пришла пора поражаться проницательности Наденьки. Выходит, сон подружки был в руку...

– Вень, хочешь, я тебя удивлю? Имя таинственного любовника Кутузовой проходит в деле об убийстве двенадцатилетней давности. Он фигурировал там как главный подозреваемый.

– Ни хрена себе!

– Доказать его причастность не удалось, у Железного Дровосека, как и полагается, имелось железное алиби. Мало того, я сегодня пообщалась с экспертами, которые исследовали фонограмму голоса человека, звонившего в милицию. Так вот – по двум убийствам голоса совпадают. То есть в ночь убийства Кутузовой в милицию звонил тот же мужчина. Ошибки быть не может, как они говорят. Просто сейчас была симитирована речь пьяного. Короче, можно снимать

охрану от палаты Семеновича.

– Жаль, – вздохнул Трофимов. – А я на всякий пожарный образец его голоса изъяс. Выходит, зря старался.

– Проверим, конечно, для отчетности, но уверена, что это не банкир. Двенадцать лет назад Семенович пребывал в длительной командировке в Европе, работал в представительстве Внешторгбанка. Кстати, я глянула дело двенадцатилетней давности... Темное дело, очень темное. Веня, ты не представляешь, куда мы влезли.

– Больше оптимизму, Елена Петровна! Мы еще не таких изюбров за рога брали! А хотите я вас тоже удивлю?

– Может, не надо? – жалостливо попросила Зотова. – Что-то у меня сегодня перебор с удивлениями. Как бы навсегда удивленной не остаться. Ладно – говори, не томи.

– Знаете, кто была та женщина, к которой хотел свалить от Кутузовой Семенович? Отгадайте с трех раз.

– Неужели это... Не может быть! – потрясенно воскликнула Елена Петровна, потерев лоб телефонной трубкой. – А я все никак понять не могла, почему Серова так о Семеновиче печется. Выходит, пока Кутузова крутила роман с олигархом, Наденька тоже даром время не теряла и утешила несчастного банкира.

– Ага. Прикиньте, как она расстроилась, когда Кутузова позвала банкира обратно, решив принять его предложение.

– Да, она мне говорила, что пыталась Кутузову отговорить, оставить все, как есть. Однако, несмотря ни на что, На-

денька одержала победу, ведь Семенович в итоге собирался расстаться с Кутузовой.

– Они станут прекрасной парой, – гоготнул Трофимов.

– Угу, два озабоченных уродца, – поддержала Елена Петровна Венечку. – И вот что я думаю по этому поводу. Наденька знала, с какой целью в тот вечер приехал банкир к подруге, поэтому и позвонила Кутузовой так рано – чтобы обстановку разведать, а про кошмарный сон наплела, желая повод для звонка придумать. Она действительно волновалась, и, возможно, ночь провела без сна, но вовсе не за подругу, а за свое будущее. Все-таки правильно Звонарев банкира приложил. Приехал разрывать отношения, но все равно не удержался и с бывшей любовницей на прощанье в койку завалился. Мерзкий карлик с большим... – Елена Петровна замялась. – Так что там у нас еще на повестке, Трофимов? – откашлялась она.

– От операторов сотовой связи инфа есть. Дровосек звонил Кутузовой накануне убийства в час дня. Вечером они тоже общались, за пару часов до того, как к девушке приехал в гости Семенович.

– Тогда пора провести разведку боем. Ну пока, Трофимов, сегодня поеду в пасть дракона, вооружившись диктофоном.

– Елена Петровна, можно же иначе образец голоса раздобыть! – заорал Венечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.